

КОЧУБЕЙ

Киносценарий

Иван Кочубей с его недюжинным талантом полководца - один из тех, кого вызвала к жизни Великая Октябрьская революция.

Участник разгрома корниловского мятежа, боёв с кайзеровскими немецкими войсками, стремившимися прорваться через ворота Ростова на Кубань и Ставрополье, крупный командир вооружённых сил Северо-Кавказской Советской республики, командующий арьергардом при отступлении XI армии красных через прикаспийскую полупустыню, Иван Антонович Кочубей вырос в подлинного героя народа.

Неукротимая ярость Кочубея к врагам революции, умение видеть своим зорким оком хитро замаскировавшегося предателя, пламенная отвага и беспредельная вера в великого Ленина завоевали ему огромную популярность среди войск и населения.

Роман Аркадия Первенцева «Кочубей», посвящённый жизни этого замечательного человека, пользуется огромной популярностью не только среди советских читателей. Он переведен на многие иностранные языки.

Сейчас, Аркадий Первенцев, выполняя пожелание многочисленных читателей «Кочубея», экранизировал свой роман.

В настоящее время заканчиваются подготовительные работы к съёмкам цветного художественного фильма «Кочубей». Фильм будет сниматься киностудией «Ленфильм». Съёмочный коллектив возглавляет режиссёр постановщик Ю. А. Музыкант, художественный руководитель коллектива народный артист СССР, лауреат Сталинской премии С. Д. Васильев. Роль Кочубея поручено исполнять народному артисту РСФСР С. В. Лукьянову.

Основные съёмки будут производиться на территории Ставропольского края.

Степь, вспыхивают облачка разрывов шрапнели. Грохочет земля под множеством копыт... Рвутся снаряды... Идёт бой.

С обнажёнными клинками несётся кавалерийская лава.

Впереди скачет всадник в белой папахе, в черкеске. Алый башлык за спиной.

1918 год.

Навстречу кочубеевцам мчится кавалерия белых.

— «Екатеринодар был оставлен. Кочубей уходил к Ставрополю, прорываясь к главным силам».

Обе лавины стремительно идут на сближение... Замолкла стрельба... Только слышен топот сотен коней.

Пригнувшись к гриве коня, летит Кочубей. Навстречу белые. Кочубей обернулся и, скомандовав вначале клинком, крикнул:

— По флангам!

Кочубеевская лава разделилась и четыре тачанки, развернувшись, открыли огонь из восьми станковых пулемётов.

С тачанок бьют пулемёты...

Падают всадники... Падают кони... Белые дрогнули... Повернули лошадей, бросились врассыпную.

В стремительном беге приближаются кочубеевцы. Впереди — Кочубей, за ним Ахмет, Рой, Наливайко и все остальные.

Кочубей перемахнул через окоп...

Кочубеевцы перелетают окопы.

От степного кургана-могильника взвиваются встревоженные коршуны. На курган взлетел Кочубей. Осадил коня... За ним появляются его соратники...

Кочубей оборачивается, скупо улыбается:
— Прорвались... Добре рубались... Добре... Накрошили капусты...
Улыбаются Рой, Ахмет, Левша-ков, Наливайко, Кандыбин, Батышев.
Сошла улыбка с лица Кочубея. Острые глаза внимательно всматриваются вдаль...
По степи мчатся несколько всадников. За ними видны клубы дыма горячей станицы.
По другому степному шляху в бешеном аллюре летят два всадника, оставляя за собой полосу пыли.

С третьей стороны из-за бугра взметнулись три конника.

Все три группы устремляются к холму, на котором стоят кочубеевцы.

Зорко следит Кочубей и его соратники за приближающимися всадниками.

Круто осадил скакуна, так, что тот взвился на дыбы, грузный, но по-строевому статный казак Охрим Пелипенко... Осаживают коней подскакавшие казаки... Охрим Пелипенко прерывистым от волнения голосом просит:

— Примай, товарищ Кочубей, до свою табору!..

Остро смотрит Кочубей на статного строевика Охрима, на притихшего в суровой задумчивости, по виду мастерового, неумело восседающего на коне, Свирида Мирошника.

Кочубей отвёл глаза и вдруг недовольно нахмурился... Он увидел Володьку, мальчишку лет шестнадцати...

Иронические насмешливые лица Роя, Ахмета, Наливайко и других...

Володька гордо выдерживает пытливый взгляд Кочубея.

Звонким, со срывом в хрипоту, голосом Володька рапортует:

— Меня может рекомендовать Шило... — и указал на восседающего на гнедой заморенной кобылице щуплого узкоплечего с хитрыми глазами Митьку Шило. Митька подтверждает:

— Боевой хлопчик. Он их...

Но закончить не смог, он только опустил глаза под взглядом Кочубея, который внимательно разглядывает «седло» Митьки Шило — ситцевую перьевую подушку, перехваченную вместо подпруг бечёвками, ноги всадника в разбитых полусапожках, продетых в верёвочные стремяна. Митька Шило шмурыгает носиком и, гордо подняв голову, обращается к Кочубею:

— Жгут наши хаты кадеты...

Мастеровой Свирид Мирошник протронул вперёд:

— Деникин захватил почти всю Кубань, куда нам деваться?

Охрим Пелипенко протягивает какую-то бумажку, добавляет горячо и убеждённо:

— Фронтвики мы... Жители...

Кочубей чуть вздрогнул, покосившись на бумажку:

— Убери канцелярию...

Молча слушают казаки...

Кочубей продолжает:

— Не пытаю, шо вы за люди, и шо до цего робыли, бо я не поп-батюшка, а просю вас...

Он вслушивается в стрельбу и, протянув в сторону руку с биноклем, заканчивает:

— Порубайте вон тех беляков, шо задерживают нам дорогу, бил я того ветряка...

Сходу рванулись Шило, Володька, Пелипенко и остальные...

Кочубей смотрит вслед бросившимся в атаку им м. Чуть-чуть тронуты улыбкой тонкие, властные губы Кочубея... Он обращается к Рою:

— Рой! Зачислить до части...

Взмахнув рукой, Кочубей тронул коня, за ним двинулся штаб и стоящие сотни... На дальнем плане к мельнице несутся всадники...

По обочине железной дороги на сером коне ровной рысью едет всадник...

Это Шеремет. Начальник Главного штаба. Он подтянут, с небольшими седеющими усиками на умном, энергичном лице, одет в офицерский френч, кубанку...

Слышна песня, исполняемая красивым мужским голосом. Шеремет проезжает мимо небольшого полустанка...

В тени полуразрушенного амбара, раскинувшись, спят дюжие казаки... На деревянной платформе, сидя на сёдлах, с азартом играют в карты конвойцы...

Навстречу Шеремету проносится кавалерист, видимо, связной...

Шеремет проезжает мимо сгоревшего каркаса товарного загона, мимо коновязи, к которой привязаны мы лошади: мимо проходящего отряда китайцев. Шеремет улыбнулся одобрительно. Видит матросов и манежный круг, где обучают какого-то крейсерского комендора искусству верховой езды.

Шеремет подъехал к вагону...

Эго ставка Главкома.

Шеремет соскочил с коня и, передав его подбежавшему конвойцу, быстро направился к вагону.

На ступеньках вагона сидит Деверин - начальник оперативного отдела штаба фронт а, интеллигент, из бывших офицеров. На нем просторная гимнастёрка, сшитая под кавказскую рубаху, широкий пояс, кубанка, плоский пистолет у бедра, прямо на поясе без портупей. Деверин напевает песню, лениво подчищая ногти... Увидев приближающегося к вагону Шеремета, Деверин поспешно встал.

— Главком у себя, товарищ Деверин? — поднимаясь на ступеньки вагона, спросил Шеремет...

— Да, товарищ начальник штаба...

Деверин почтительно подтянулся и проводил глазами скрывшегося в дверях Шеремета.

Навстречу Шеремету с тахты, покрытой текинским ковром, встал Батук. На высоком, стройном Главкоме чесучёвый бешмет и мягкие кабардинские сапоги-чуваки... Прядь тёмных волос падает на лоб красивого лица...

Подойдя к Шеремету, он в упор спросил:

— Ты чем-то доволен, Шеремет?

Шеремет:

— Кочубей прорвал стыки двух офицерских дивизий.

Батук повеселел:

— Прорвал-таки, сукин сын. Вот эта сила... Ваня Кочубей подходит...

Шеремет подошёл к окну и, заглядывая в него, проговорил:

— Кочубей-то сила, а вот мы потеряли Крутогорку—свой крупный опорный пункт.

Батук сел на тахту. Небрежно сказал:

— Станица, как и все станицы. Жаль, конечно! Какие там девки были!

Шеремет резко отвернулся от окна и едва сдерживаясь, говорит:

— Взяв Крутогорскую, противник прорвал нашу последнюю удобную коммуникацию с Россией, с главными силами, товарищ Главком.

Повернувшись к Шеремету, Батук продолжает:

— Ну, что слетаешь? Бывают неудачные операции, Так что теперь горевать? Биться головой о стенку?

Шеремет многозначительно и сухо:

— За такие «неудачи» и к стопке могут доставить...

Батук насупился:

Ишь ты, за неудачу — к стенке!

Шеремет подошёл к столу и иронически проговорил:

— Наши неудачи—результат боязливости, Григорий Лукич! Батук круто повернулся, шагнул к Шеремету:

- Боязливость? Батук трус? Я создал армию!.. Короткая судорога свела рот:
- Батук не пустил немцев на Кубань... Ударил себя в грудь, громко:
- Батук сам кидался в атаки и только меня боялись враги; Корнилов... Сам Деникин...
Не закончив фразы, Батук резко захлопнул окно.
Шеремет настойчиво продолжает:
- Вы дали добровольческой армии отдохнуть и собраться с силами после смерти Корнилова...
Заложив руки за спину, Батук нервно ходит по салону. Шеремет продолжает.
- А что касается Деникина... Тут...
Шеремет развёл руками.
- Ваша нерешительность...
Батук резко остановился...
Он, едва сдерживая бешенство, слушает Шеремета.
- И... нежелание подчинить себя разумным советам... Батук оборвал Шеремета:
- Что? — глаза его метнули молнии. — Чьим подчиниться советам?
Батук вцепился в рукоятку нагана...
- Ты мой начальник штаба, а возле циков, чиков хвостом крутишь?!
Почти шипит:
- Скажи ещё, я диктатор.
- Шеремет спокойно:
- Пока ещё нет...
- Батук вскрикнул:
- Ага!..
Шеремет, повернувшись к Батуку, твёрдо проговорил:
- Но идёшь к тому...
Батук выхватил наган, выстрелил в Шеремета... Треснуло, посыпалось стекло в окне.
В дверях появился испуганный Деверин. Шеремет спокойно стряхнул стекло с френча:
- Промажнулись даже по видимой цели, товарищ Главком! Правды и пуля боится.
Шеремет, надевая кубанку, подходит к дверям...
Деверин бросился к Батуку, делая вид, что хочет прикрыть его своим телом. Батук вдогонку Шеремету:
- Иди... Жалуйся... Тянись на моё место, куцый! Шеремет спокойно выходит из салона.
Провожая злыми глазами Шеремета, Батук вдруг замечает Деверина.
- Кочубей подошёл! Мне кажется, надо на него опереться...— говорит Деверин.
Убрав в кобуру наган, Батук принял официальный вид и чеканно, твёрдо приказывает:
- Взять Крутогорку!
- Деверин слушает. Батук продолжает:
- Подготовь диспозицию! Теперь ты за Шеремета!
Деверин отдаёт честь и твёрдым военным шагом выходит...
- Батук подошёл к шкафчику, вынул коньяк, налил высокую хрустальную рюмку.
Выпил, ворчливо пробурчал:
- Когда подчинённые имеют своё мнение, дисциплине швах,— и выпил ещё.

* * *

Берег Кубани. Ночь. Кованым серебром отсвечивает чуть тронутая ветерком поверхность воды. Видны огни костров. Спят кочубеевцы. Суровые лица воинов. Это Кочубей, Рой, Левшаков и поодаль, не спуская глаз с Кочубея, его телохранитель Ахмет. Кочубей говорит Рою:

— Хитро кадеты задумали, га?

Лукаво посмотрел на Роя:

— Обхват?..

Кочубей делает рывок, как бы разрывая круг, свистнул:

— Шукай ветра в степу! Ваня Кочубей уже у своих. Молодец, Рой! Добрый ты у меня начальник штаба!

Слушает Рой. Умное, некрасивое лицо сейчас кажется сурово-прекрасным.

Ахмет переводит взгляд с Кочубея на Роя и глаза его подозрительно нахмурились. Он всё ещё не доверяет Рою.

Кочубей. Рядом — Рой, за ним Левшаков и Ахмет... Все они проходят между спящими измотанными бессонными маршами бойцами...

В разных позах раскинулись кочубеевцы... Видны фигуры часовых. Кочубей остановился.

Закинув руку за голову, в распахнутой до пула рубахе, храпит Охрим Пелипенко. Около него конь... Кочубей взглянул в другую сторону. Свернувшись калачиком, спит Володька, тесно прижавшись к Митьке Шило. Под головой Митьки удобная «седло»-подушка. В стороне у возов с поднятыми дышлами и натянутой на них палаточной парусиной — раненые. Их человек пятнадцать, некоторые тяжело раненные стонут.

Сестра милосердия Наталья, красивая девушка-казачка, поит водой из кубышки бородатого казака Петра Кандыбина.

Сделав неловкое движение, проливает воду на рубаху казака, тот отряхнулся:

— Теперь поливай, не поливай, больше не вырасту, Ката.

Взял кубышку из рук Натальи:

— Дай, я сам.

Наталья взглянула на голове Кандыбина:

- Вырвались, наконец, до своих, Кандыбин?

Кандыбин подтверждает:

— В гурте складнее будет! И армия вся тут и склады...

И с некоторой гордостью добавил:

- ...И сын мой Василь где-сь тут комиссарит, Наталья.

Наталья взглянула на старика, буркнула:

— Не обожаю комиссаров...

Пётр Кандыбин удивлённо посмотрел на Наталью...

Появился Кочубей со своей группой.

— За что ж они не в милости?

Наталья пожала плечами:

— Дуже они не то умные, не то кислые..,

Левша ко в прыснул со смеха, но под строгим взглядом Кочубея сразу потускнел.

Кочубей подал Наталье руку, спросил:

— Раненые напоены, накормлены, Наталья?

— Да, товарищ командир! — ответила Наталья.

— Де убитые?

Наталья указала рукой в сторону:

— Там...

Кочубей, Ахмет и Левшаков направились в сторону убитых. Рой на момент задержался.

Наталья словно почувствовала, что за ней наблюдают, повернулась, увидела...

Рой... Он хочет что-то сказать Наталье... В его взгляде можно прочесть то, что так часто бывает в тех случаях, когда любят... Наталья резко отвернулась. Рой неловко потоптался и пошёл вслед за Кочубеем.

Наталья взглянула вслед уходящему Рою и нельзя сказать, что взгляд её был безразличным.

Рой подошёл к группе Кочубея... Все они стоят с обнажёнными головами. Среди казаков появился Шило...

В центре лежат прикрытые тонким рядом убитые... Возле них — часовой. Кочубей откинул рядно, открыл лица убитых... с грустью проговорил:

- Бережу, бережу бойцов, а всё убивают... Яку б таку на людей бронированную силу одягнуть...

Сосредоточенно-угрюмые лица бойцов внимательно слушают Кочубея...

- Шоб нуля не взяла...

Казачи молчат.

Молчание нарушил Митька Шило...

— Один мужик, иногородний...

Кочубей, как бы очнувшись, строго посмотрел на Шило и обратился уже ко всем стоявшим:

— Да яка ж меж ними разница?

Кочубей продолжает:

— Все люди, трудящие люди, все под ярмом. Холки понатирали.

Плетью он сшиб несколько головок засохших маков и обратился к подошедшей Наталье:

— Убитых одягнуть на смерть...

* * *

...По степному шляху мчатся шесть всадников. Впереди двое идут ровно в паре, это адъютант Главкома Сухенко и порученец Лидия Чёрная. За ними врассыпную остальные.

Они несутся по степи, где высокие засохшие татарники похожи на бунчуки запорожских куреней.

Около одинокой тухлявой вербы препятствие — дорога перекопана глубокой канавой.

Из-за поворота появились всадники.

Впереди попережнему двое.

Сухенко дал повод, посылая лошадь на препятствие и перемахнул канаву. Чёрная не рассчитала и вылетела из седла. Сухенко соскочил с коня, подбежал к Чёрной. Остальные перекинули карабины в боевое положение.

Чёрную приподнимает Сухенко...

— Лида, расшиблась?

Чёрная встаёт и, потирая ушибленное колено, отвечает:

— Трудно мне даётся верховая езда...

Группу Сухенко и Чёрной окружают вооружённые пешие люди.

Сухенко схватился за кобуру:

— Я адъютант Главкома, Сухенко...

Требовательный голос Митьки Шило:

— Пропуск?!

Сухенко презрительно оглядывает невзрачного Митьку Шило, говорит:

— Свои!

Шило делает вперёд полшага, достаточно выражающего его намерение...

Глухим басом отвечает Пётр Кандыбин.

— Свои коней крадут... Говори...

Митька Шило:

— А то брюхо на штык...

Он согласно подмигнул Петру Кандыбину.

Сухенко, как-бы делая одолжение, говорит пароль:

— «Приклад»! Нам к Кочубею...

Пётр Кандыбин приказывает:

— Володька, сопроводжай!

Володька вскакивает на коня и присоединяется к группе Сухенко.

Вся группа, сопровождаемая Володькой, проезжает мимо развёрнутого в сторону дороги пулемёта, возле которого сидит Свирид Мирошник.

Сухенко и Чёрная скачут рядом... Стараясь держаться на сближенной от них дистанции, скачет Володька.

Чёрная обращается к Сухенко:

— Боевое охранение... Вот тебе и Кочубей!..

После небольшой паузы Сухенко отвечает:

— У него есть опытный начальник штаба — Рой... Тот собаку съел на всех этих заставах, секретах, пикетах...

Чёрная со злостью хлестнула коня плёткой.

* * *

Пётр Кандыбин у полевого телефона...

— Кто говорит? Кандыбин? Василь?..

Сбоку взглянув на Митьку Шило и Свирида Мирошника, он несколько подтянулся и официальным тоном продолжает:

— Товарищ комиссар! Докладывает взводный Пётр Кандыбин!

Митька Шило и Свирид Мирошник переглянулись.

Кандыбин продолжает:

— От Главкома пришли с приказом... Время?

Он раздвигает кусты, где стоят и тикают стенные часы с маятником.

Кандыбин докладывает:

— Двадцать три, два нуля...

Митька Шило усмехнулся...

— Вы бы, папаша, ещё колокольню возили за собой...

Разбив о приклад куриное яйцо, Шило луцтит его.

Пётр Кандыбин, маскируя в кустах часы, отвечает:

— Глазами ослаб, сынок... А службу надо править точно...

Из кустов раздаётся бой часов.

Кандыбин как бы в подтверждение своей правоты, указал на кусты:

— Вот... Видишь...

Шило, пожав плечами, ловко бросил яйцо в рот...

* * *

Стенные часы с большими гирями, на циферблате — 11 часов одна минута.

Спиной к аппарату, на табуретке, поджав под себя ногу в шерстяном носке, согнулся над столом Кочубей, он склонил голову набок и старательно пишет... Перед ним букварь, сковорода с колбасой, керосиновая лампа.

Комиссар:

— Сиди прямей, Ваня!

Кочубей, не отрываясь от письма, отвечает:

— Да иди ты, репей! Не могу. Надо же мне бачить що я накарябаю?

По другую сторону стола сидит комиссар Василий Кандыбин, бритый, без усов, в бешмете, перетянутом узким наборным поясом аварской работы. На поясе наган в козловой кобуре с монограммой. Внимательно наблюдая за Кочубеем, комиссар, не без аппетита, свойственного здоровому, молодому человеку, ест жареную колбасу и ровным голосом говорит:

— На коне прямо сидишь, а тут...

Кочубей, не поднимая головы:

— Так то на коне... А як сяду за грамоту, так не иначе на меня Казбеком надавили...

Василий Кандыбин подошёл к Кочубею и, заглядывая в тетрадь, улыбнулся:
— Вот у тебя крупный успех, Ваня. Только опять ошибка.
Берёт у Кочубея ручку и поправляет в тетради...
На линованном листе ученической тетради написано:
— «Ваня Качубей».
Перо ручки поправляет букву «а» на «о» в слове «Кочубей».
Кочубей потянулся к сковороде, взял кусок колбасы:
— Ну и хитрое ж моё фамилие... Як ужака...
Откусил колбасы, снова согнулся над столом... Кандыбин подошёл к окну. Открыл его... Всматриваясь в окно, задумчиво слушает песню...
Кочубей пишет и тихо подпевает слышимой с улицы песне.
На площади бивуаком расположилась охрана штаба. Дымят костры. У костров сидят люди, некоторые из них дремлют. Ходят часовые... По площади проезжает конный патруль.
Под навесом подсёдланные кони звучно жуют зерно, помахивая торбами... Подъехавший к коновязи Рой, передав коня дневальному, направился к крыльцу дома.
Рой проходит мимо сидящих у костра бойцов...
У ворот, верхом на пулемёте, сидит боец, запахнувшись в шинель. Он прислонился к щитку и кажется, что он дремлет, но вдруг вскочил и вытянулся перед Роем.
Рой подходит к крыльцу.
На крыльце, заняв его почти целиком, па разостланных бурках, в больших косматых шапках, сидят черкесы. Они тихо поют свою песню, покачиваясь в такт гибкими телами. Увидев Роя, они сделали попытку встать, но Рой жестом предупредил их не прерывать песню. На момент Рой задержался и вошёл в избу.
В комнате, перед дверью Кочубея в позе лучников Тамерлана стоят адъютант Левшаков и Ахмет.
У печи возится хозяйка. У открытого окна сидит Наталья.
Рой подошёл к Левшакову, спросил:
— Комбриг у себя?
Левшаков ответил:
— Комбриг просил обождать, товарищ начальник штаба.
Рой закурил... Ничего не ответил... Подошёл к Наталье и сел возле неё.
Хозяйка кладёт наверх большого бунта колбасный круг...
— Сколько вы этой колбасы кушаете, ужас! Левшаков усмехнулся:
— Ну, это больше по праздникам.
Хозяйка развела руками:
— Да у вас каждый день то рождество, то пасха, а то и духов день...
Левшаков:
— Комбриг уважает... Найкраща пицца — колбаса.
Наталья слушает песню. Рой спрашивает:
— К Кочубею?
Наталья отодвигается:
— Зачем он мне?
Рой притрагивается к оголённой руке девушки:
— Легко одета, Наташа. Ночь холодновата. Наталья отдернула руку:
— Ладно... Заботливый!
Рой смущённо:
— Да нет же... Вы меня не так поняли!..
Наталья:
— Куда мне понять... Липните все, как мухи на патоку.
Рой опустил голову, ему обидно, что Наталья не поняла его... Наталья с горечью и болью закончила:

- Тошно...
- Рой, маскируя возникшую неловкость, спрашивает Ахмета:
- Комбриг один?
- Ахмет гордо, гортанным голосом отвечает куда-то в сторону—совсем не Рою:
- Кочубей с комиссаром сидит, на свой умный голова большой мысли кладёт...

* * *

- В горнице-штабе.
- На листе тетради написано:
- «Владимир Ильич».
- Рука заканчивает «ЛЕНИН». Кочубей, почти лёжа на столе, пишет...
- Василий подошёл к Кочубею и, заглядывая в тетрадь, весело говорит:
- Ого, молодец, Ваня!.. Не ожидал...
- Кочубей самодовольно, с какой-то скрытой глубокой радостью, промокает написанное, складывает букварь, тетрадку, прячет их в суму седла, надевает сапоги, оружие и мгновенно преображается:
- Во шо, политичный мой комиссар...
- Кочубей продолжает:
- ...Треба мне самому до товарища Ленина пробиться. Побалакать с ним... Бо чув я, шо товарищ Ленин теж моей программы придерживается!
- В дверях Левшаков:
- От Главкома, товарищ комбриг! С ними Наливайко!
- Кочубей приказывает:
- Давай пока Наливайко!
- Левшаков выходит.
- Кочубей кладёт руку на колено Василия, говорит:
- С одной станицы мы с Наливайко... Вместе парубковали.
- А прадеды наши теж вместе на Кубань пришли с запорожцами... Сечевиками...
- Кочубей восторженно продолжает:
- А зараз я комбриг, а он боевой мой заместитель.
- Кочубей встал. С гордостью закончил:
- Ось шо значит вступить в революцию вооружённым, при полной хворме!
- Комиссар хорошим взглядом смотрит на Кочубея.
- В комнату решительно, бурно входит Наливайко, на ходу сбрасывает бурку... Кочубей быстро подходит к нему, обнимает...
- Друже! Я уже за тобой соскучился, Наливайко. Сидай, друже...
- Наливайко сел на табурет, расстёгивая ворот бешмета, говорит:
- Там от Главкома, Сухенко и Чёрная...
- Кочубей досадливо махнул рукой:
- Не дают нам с тобой побалакать...
- Кричит:
- Левшаков!
- В дверях появляется голова Левшакова...
- Жарь ковбасу!
- Левшаков повторяет приказание:
- Есть жарить ковбасу!
- Кочубей крикнул вдогонку уходящему Левшакову:
- Да... Покличь Роя...

Из дверей штаба выходит Наталья... Она присела на перила крыльца... Расположившиеся на крыльце черкесы, не обращая на неё внимания, продолжают разговор...

Черкес с длинной бородой — Мусса, говорит:

— А кто такой Ленин?

Ахмет ответил:

— Ленин родился от солюца и луны... Ленин всегда будет жить.

Внимательно слушает Наталья.

Ахмет:

— Ленин будет ходить в белой, белой как горный снег черкеске.

Слушают черкесы.

Слушает Наталья.

Ахмет:

— Будет стоять, как Эльбрус и светить днём, как солнце, а ночью, как луна... Все будут знать Ленина...

Черкесы смотрят на Муссу. Ахмет спрашивает.

— Помял, Мусса, из аула Уляп?

* * *

Комната Кочубей. В ней происходит совещание.

Голос Роя:

— Вашей бригаде тайно сосредоточиться к трём часам тридцати минутам.

За столом на лавках сидят Кандыбин, Наливайко, Батышев, командиры частей, Левшаков и с ними Володька...

Сидят Сухенко и Чёрная...

В голове стола сидит Кочубей, возле него двое ребяташек. Один из них шепчет, читая букварь, другой что-то пишет...

Рой читает диспозицию Главкома:

— Ударить со всей революционной страстью и беспримерным мужеством на ключевую позицию противника...

Кочубей больше занят делами школьников, чем диспозицией, он заглядывает то в тетрадку, то в букварь...

Голос Роя:

—...По сигналу — орудийный выстрел...

...Совместно с частями 2-й партизанской дивизии...»

Кочубей, посмотрев в тетрадку мальчика, взял у него карандаш и укоризненно покачал головой.

Лист тетради, где написано детским почерком:

«...Дядя Качубей...»

Рука Кочубей поправляет букву «а» на «о» в слове «Кочубей».

«...Левый фланг обеспечивается черноморским кавполком и дербентцами. Взятию моста через стратегическую водную коммуникацию Кубань...»

Кочубей посмотрел с полным достоинством на мальчика, а потом на равнодушно слушающего комиссара.

Кочубей выпрямил согнувшегося над столом мальчика...

— Не сгибайся так, Федька! Сиди ровней... Комиссар улыбнулся...

Кочубей сказал Федьке:

— Видишь, як я сижу...

Федька выпрямился...

Рой продолжает читать:

-...придаётся серьёзное значение, а посему...

Кочубей заметил скучающие лица командиров, особенно Наливайко, который не стеснясь зевает...

Кочубей прерывает Роя:

— Стой! Ты всего не читай... Задача яка, Рой?

Рой от неожиданности смутился, сидящий около него Сухенко встал и несколько надменно сказал:

— Белые, как известно, стеснили нас на северном Кавказе...

Рой добавляет:

— ...Коммуникации, связывающие нас с центральными областями России, перерезаны...

Сидя в небрежной позе, Чёрная говорит:

— Если мы возьмём Крутогорскую станицу, мы очистим путь на Царицын, в Россию...

Наливайко выслушал Чёрную, зло сказал:

— Мы? Овод на конячем брюхе тоже в атаку идёт... Чёрная резко проговорила:

— Не понимаю вашего раздражения...

Наливайко презрительно:

— Я тоже недавно оглох, ничего не понимаю...

Кочубей промолчал, обратился к Рою:

— Читай главное.

Рой посмотрел в приказ, взглянул на Кочубея и прочитал:

— «Ваня! Сильно надеюсь на тебя и твоих ребят. Гриша Батук.»

Кочубей взял из рук Роя бумагу и ткнув в неё пальцем, спросил сидящего рядом с ним Федьку:

— А ну, где тут написано «Ваня»?

Федька указал:

— Вот...

— А «Гриша»? — спросил Кочубей.

Федька указал:

— Вот...

Кочубей, потрепав Федьку по плечу, важно сказал:

— Молодец... Весь в меня...

Кочубей встал, подошёл к комиссару:

— Так как, комиссар?

Все встали... Ждут решения... Кандыбин спокойно отвечает:

— Звонили от Орджоникидзе... Крутогорку... надо взять. Кочубей сосредоточился, медленно проговорил:

— Добре, политичный комиссар...

И выпрямившись, волевым тоном начальника приказал:

— Начальник штаба, Крутогорку треба взять!

Командиры начали расходиться.

Сухенко и Чёрная подошли к Кочубею... Сухенко спрашивает:

— Это и всё?

Кочубей едва повернувшись, спросил:

— А тебе шо ещё треба?

Сухенко:

— Ответный пакет, ваше письменное решение...

Кочубей, прикидываясь простачком, переспросил:

— Пакет? Шо я чернильная душа, чи шо?

Чёрная явно злится...

Кочубей:

— Передай Главкому три слова: Крутогорка завтра буде наша...

Наливайко хитро посмеивается.
Незаметно улыбается Рой...
Володька, разинув рот, с упоением смотрит на Кочубея... Вдруг он, как бы очнувшись, спросил:

— Сказал три слова передать, а выходит четыре...

Кочубей воскликнул:

— Во грец! Ишь я кий граматюка!

Он обратился к Сухенко:

— Передай так, Сухенко... Крутогорка буде наша...

Повернулся в сторону Володьки, спросил:

— Так?

Володька радостно кивнул головой...

Кочубей поманил пальцем Володьку, провёл ладонью по его голове, ласково сказал:

— Учёный, шпингалет!

В комнату входит весь вымазанный в саже Левшаков, в руках у него сковорода, полная дымящейся колбасы...

Левшаков торжественно сообщает:

— Шкварчит, як живая...

Кочубей весело приказал:

— Давай на стол, товарищ адъютант...

Левшаков подходит со сковородой к столу...

Кочубей остановил его:

— Левшаков! Шо ты там кончил? Я кую учебную заведению?

Левшаков, держа в руках сковороду с колбасой, вытянулся и по-военному отрапортовал:

— Церковно-приходский ниверситет, товарищ командир бригады.

Кочубей, обняв Володьку за плечо, обращается к Сухенко:

— Бачишь, я кий у меня штат? А все удивляются, почему да отчего я письменных белых генералов луплю...

Сухенко и Чёрная переглянулись...

Кочубей, обняв Володьку, говорит:

— А Крутогорка будет наша не только завтра... Завсегда... Навек!..

* * *

Утро. Кружится, шумит Кубань, покрытая предрассветным утренним туманом... Вдали виднеется очертание моста...

В прикрытии левад стоит казачья сотня. Впереди — Наливайко. Бойцы ждут сигнала. За амбаром ждёт сигнала другая группа кавалеристов. Впереди Батышев...

В ожидании боя спрятались за домом пехотинцы... Впереди комиссар Кандыбин... Среди бойцов можно увидеть людей в разной одежде: тут шахтёры, матросы, старые солдаты в обмотках, железнодорожники, безлошадные кавалеристы... Все они молча ждут сигнала...

У берега на вербяной лужайке особая сотня Кочубея. Они в ангорских папах. Много горцев. Сотня пока спешена...

На холме Кочубей, Рой, Левшаков, Ахмет... В стороне коноводят два горца. Кочубей и Рой смотрят в бинокли...

В бинокль виден силуэт моста, у пулемёта за щитком сидят и лежат пулемётчики-юнкера.

По берегу виднеются проволочные заграждения вплоть до воды, в три кола. Коля, вбитые в дно, поверху обливают струи потока... Видны орудия.

Кочубей опустил бинокль:

— Бить по мосту!

Рой провёл ещё биноклем.

В поле зрения в разрывах тумана попали вновь колья проволочных заграждений и еле уловимая, даже опытному взору начальника штаба, колючая спираль, в несколько рядов заплетённая по берегу и замаскированная кустами и подсохшей травой. И там, видимо, смастерили кадеты пулемётные гнёзда, и ловушки.

Рой посмотрел на Кочубея и сказал:

— Ключевая позиция. Зашили наглухо берега.

Кочубей нетерпеливо спросил:

— Як ты кумекаешь, начальник штаба?

Рой ответил, утверждая предложение комбрига:

— Одни ворота остались... Мост. Только надо скрытно сосредоточить пехоту.

Кочубей, не переставая слушать начальника штаба, изучал обстановку и вдруг лицо его выразило явное одобрение тому, что он заметил.

— А комиссар теж кумекает, глянь, як он подтягивает брюхолазов! Сосредотачивает.

Не отрываясь от земли, бесшумно ползут бойцы... Все они устремляются к мосту. Впереди ползёт комиссар Кандыбин. За ним бойцы...

Кочубей восхищённо:

— Пехота... Як ужи...

И обернувшись к Рою сказал:

— Иди, начштаба, подготовь конницу... Да кликни ко мне... сестру милосердию...

Рой с удивлением посмотрел на Кочубея и спросил:

— Наталью?

Кочубей, не отрываясь от бинокля, кивнул головой.

У самого берега лежат Пётр Кандыбин, Митька Шило, Свирид Мирошник и Володька. За ними видны ещё бойцы... Все они всматриваются в противоположный берег.

Мирошник, не оборачиваясь, тихо говорит:

— ...Туман густеет... Плохо...

Пётр Кандыбин, едва взглянув на Мирошника, так же тихо ответил:

— Туман хорошо...

Митька Шило, привычно шмыгнув носиком, опасно проговорил:

— Мост трудный. Накладут кадеты нашего брата тьму.

Пётр Кандыбин сурово взглянул на Шило, уверенно сказал:

— Плохо Кочубея знаешь...

Около конницы стоят Рой и Наливайко... В стороне видны Кочубей и Наталья, они о чём-то горячо говорят...

Рой, наблюдая за Кочубеем и Натальей, несколько встревожен но спрашивает у Наливайко:

— О чём они?..

Наливайко посмотрел на Роя, пожал плечами:

— Не знаю... Может, насчёт любви договариваются.

Рой резко взглянул на Наливайко, но промолчал.

Наливайко незаметно улыбнулся, понимая наблюдая за Роем.

К Рою и Наливайко подошёл довольный Кочубей. С ним Ахмет. Рой отвернулся от Кочубея, он видит быстро удаляющуюся Наталью...

Кочубей посмотрел на циферблат своих часов и кивнул Рою. Рой вынул ракетницу, притороченную у передней луки седла в особом чехле, поднимает руку.

Бьёт орудие. И одновременно летит вверх красная ракета.

Кочубей наблюдает в бинокль. Около него Левшаков, Рой и Ахмет...

Из-за левады к реке устремились конные сотни...

Бросились в воду. Орудие стреляет.

Рой обращается к Кочубею:

— На флангах ударили Наливайко и Батышев...

Кочубей ответил:

— Знаю...

Рой:

— Главный удар наносим мы. На флангах демонстрация... Нужно спешить.

Кочубей:

— Любишь ты чужие слова, Рой. Демонстрация... Ось побачишь, яка у меня буде демонстрация.

Около них взметнулись фонтанчики земли. Ахмет бросился к Кочубею и, повалив его, прикрыл своим телом... Кочубей, пытаясь скинуть Ахмета, крикнул:

— Сбесился?

Ахмет кричит:

— Ты себе нужен? Ты нам нужен!

Левшаков с перехватом за поясицу сбрасывает Ахмета.

Плывут конники, перебивая быструю стремнину. Пулемётная строчка прошла по воде.

Сник какой-то чубатый молодец, свалилась папаха. Окунулся боец с головой. Кружит водоворот мохнатую шапку с алой лентой.

Мужественно плывёт Наливайко. Видит уже вражеский берег.

Пехотинцы атакуют мост.

Впереди Василий Кандыбин. Взорвался снаряд в воде возле моста. Падают люди.

Сосредоточенно работают белые пулемётчики.

С криками «ура» продвигаются вперёд красноармейцы.

Пулемёты ведут шквальный огонь. Кипит вода в кожухах пулемётов.

Замолкло «ура». Мост опустел. Только трупы после неудачной атаки.

Корниловский офицер снимает фуражку, говорит, судорожно улыбнувшись, прапорщику, который наливает воду из чайника в кожух пулемёта:

— Глупая шутка! Прорваться по такому дефиле!..

Прапорщик приложился к чайнику. Пузатый чайник пляшет в его руке. И вдруг глаза его округлились:

— Перебежчик?

По мосту бежит Наталья. Наступает полная тишина.

Корниловец всматривается в эту одинокую фигуру, говорит прапорщику:

— Женщина.

Приказывает пулемётчикам:

— Не стрелять!

По мосту уже медленно идёт Наталья.

Пётр Кандыбин вдруг узнал:

— Сестра милосердная... Наталья...

Шило визгливо закричал:

— Перебежала к кадетам...

Снял карабин, прицелился.

Резко повернулся Кочубей, схватил за карабин Митьки Шило.

— Дурень.

Большое горе на лице Роя...

Угрюмые лица кочубеевцев...

Медленно, в дымящихся волнах тумана идёт Наталья, на плечи наброшена шаль...

Высунулись из-за брустверов белые...

В напряжённом ожидании корниловский офицер и прапорщик.

Наталья почти вплотную подошла к белым... Остановилась... Наклонилась... Шаль помогает ей с изумительной ловкостью зарядить кап суля ми три гранаты в связке. Она выпрямилась. Взмахнула рукой с такой силой, что шаль полетела с плеч... и швырнула

гранаты... У пулемётного гнезда белых вырвались огненно-дымные столбы. Наталья пропала из глаз.

Лица Кочубея, Роя, других... в том числе Шило.

Кочубей выхватил клинок и подал команду:

— Шашки к бою! В атаку, а-р-р-р-ш. А-р-р-р-ш...

Сотня рванулась вперёд с обнажёнными клинками.

Кочубей влетел на мост. За ним развёрнутое знамя, конница. Звонко стучат копыта о деревянный настил моста.

С криками «ура» бросилась на мост пехота. Впереди Василий Кандыбин.

По мосту стремительно проносится Кочубей, Рой, Ахмет. Всадники скачут мимо Натальи. Она лежит лицом вниз.

Всадники топчут шаль Натальи. Рука Натальи шевельнулась. Судорожно сжалась.

Хмурое, яростное лицо Роя...

Какой-то белогвардеец взмахнул штыком. Кочубей рубанул его левым косым ударом шашки и вмиг перенёс упор ноги на правое стремя.

Возле пулемёта суетятся белые. Кочубей посылает коня на пулемёт.

Свистящий, искромётный круг клинка...

Второй круг...

Взмыленные крупы, мелькают подковы задних ног коня. В разных позах зарубленные Кочубеем оба пулемётных номера.

Прапорщик прижался к стене окопа... На его лице ужас...

— Ко-ч-у-бей!..

Его закрывают несущиеся мимо кадра конники.

Схватка. Слышен только лязг стали и храп коней.

Ожесточённо отбивается Митька Шило... Отмахиваясь шашкой, он вьюном вертится на коне.

Несутся на выручку Пётр Кандыбин, Володька, Мирошник и Пелипенко.

Отбивается Шило... Наседают беляки... Вдруг огромный, бородатый казак взмахнул шашкой... Шило увернулся... И острый клинок разрезал подушку-седло... Посыпался пух, взмётываясь в воздух, закрыл всех, как снегом.

Белые видят скачущих на выручку всадников, оставляют Шило.

Пётр Кандыбин, Мирошник, Пелипенко и Володька в недоумении смотрят на засыпанного пухом Митьку Шило и его коня. В воздухе ещё носятся перья...

* * *

Площадь станицы заполнена народом, лошадьми, обозом... Жители станицы перемешались с красноармейцами... Угощают их водой, арбузами, семечками...

Конные красноармейцы ведут толпу пленных юнкеров и офицеров... В стороне сгруппировались пленные казаки, их окружают кочубеевцы. На площади появился на взмыленном коне Кочубей, сопровождаемый Роем, Левшаковым и Ахметом... Кочубей подъехал к группе пленных казаков... Не слезая с коня, с нарочитым удивлением обратился к усатому казаку Редкодубу:

— Тю... ты, свои ж казаки, а дерутся против... Какой станицы?

Редко дуб ответил: — Платнировской...

Кочубей:

— Ишь... Земляк. А я с Александроневской... Чув?

Со всех сторон сходятся к группе Кочубея красноармейцы. Смешались красноармейцы, пленные, жители.

Редкодуб повеселел:

— Слыхал... Станция Бурсак...

Кочубей подтверждает:

— Эге... Верно...

И уже совсем просто спросил:

— У меня служить хочешь?

Редкодуб посмотрел на товарищей, смутился:

— Не знаю...

Кочубей усмехнулся...

— А кто ж знает... Верблюды? А?..

Редкодуб молчит.

Левшаков поняливо:

— Зачислить в какую сотню?

Послюнил карандаш.

Кочубей указал на группу пленных:

— Их в седьмую... А ось того земляка не надо...

К Редкодубу:

— Иди... Подывишься, а потом... Сам до меня вернёшься.

Редкодуб мрачно молчит.

Под одобрительные возгласы пленных и красноармейцев Кочубей тронул коня и галопом поскакал по улице. За ним Рой и Ахмет.

Левшакова обступили пленные казаки... Конвоиры, махнув рукой, принялись скручивать цыгарки...

С двух сторон улицы навстречу друг другу, на сильном галопе скачут два всадника, они почти столкнулись, одновременно развернули круто коней, спрыгнули, сошлись...

На улице появились ещё всадники — это духовой оркестр, свита Батука и Рой с Ахметом.

Высокий, в светлой черкеске, в белой папахе Батук протянул руку Кочубею:

— Здравствуй, Ваня...

Кочубей вытянулся и по военному отвечает:

— Здравствуй, товарищ Главком...

Батук иронически улыбнулся:

— А зачем так официально? Давай поцелуемся, Еаня!

Кочубей внимательно, как бы изучая, рассматривает Батука, глаза его чуть прищурены, губы слегка тронулись в усмешке:

— У меня служить хочешь?

Редкодуб посмотрел на товарищей, смутился:

— Не знаю...

Кочубей усмехнулся...

— А кто ж знает... Верблюды? А?..

Редкодуб молчит.

Левшаков поняливо:

— Зачислить в какую сотню?

Послюнил карандаш.

Кочубей указал на группу пленных:

— Их в седьмую... А ось того земляка не надо...

К Редкодубу:

— Иди... Подывишься, а потом... Сам до меня вернёшься.

Редкодуб мрачно молчит.

Под одобрительные возгласы пленных и красноармейцев Кочубей тронул коня и галопом поскакал по улице. За ним Рой и Ахмет.

Левшакова обступили пленные казаки... Конвоиры, махнув рукой, принялись скручивать цыгарки...

С двух сторон улицы навстречу друг другу, на сильном галопе скачут два всадника, они почти столкнулись, одновременно развернули круто коней, спрыгнули, сошлись...

На улице появились ещё всадники — это духовой оркестр, свита Батука и Рой с Ахметом.

Высокий, в светлой черкеске, в белой папахе Батук протянул руку Кочубею:

— Здравствуй, Ваня...

Кочубей вытянулся и по военному отвечает:

— Здравствуй, товарищ Главком...

Батук иронически улыбнулся:

— А зачем так официально? Давай поцелуемся, Еаня!

Кочубей внимательно, как бы изучая, рассматривает Батука, глаза его чуть прищурены, губы слегка тронулись в усмешке:

— Ни. У менэ насморк.

Батук на момент смутился, но быстро овладев собой, деланно-весело проговорил:

— Ишь ты...

Пожал руку Кочубею.

— Спасибо, Ваня! Пробуравил дырку в Россию!.. Теперь есть выход... Блестящая атака!

Кочубей несколько грубовато:

— Да яка там атака! Кабы не сестра с бомбами, все б поплыли по Кубани, як коряги...

И повернувшись, крикнул:

— Начальник штаба!

Рой соскочил с коня. Передав повод Ахмету, подошёл. Кочубей приказал:

— Может, треба оказать милосердие Наталье? Як она там?

Рой, отдав честь, круто повернулся, вскочил на коня...

Кочубей крикнул:

— Передай ей моё боевое спасибо!

Рой с места взял в карьер...

Батук полуобнял Кочубея и повёл его к коням, на ходу говорит:

— Нагнали мы белякам страх и в душу и в пятки. Пора и победу отпраздновать...

Кочубей!

Кочубей незаметно вывернулся из объятий Батука и озираясь проговорил:

— А де мой политичный комиссар? Надо его взять с собой...

Батук остановился и укоризненно сказал:

— Экий ты младенец, Ваня... Без комиссара уже и коня с места не стронешь...

И они подошли к коням...

* * *

Коридор школы-госпиталя. По коридору идёт Рой... Он внимательно вглядывается в каждого. Мимо Роя санитары проносят на носилках прикрытого простынёй покойника.

Рой провожает взглядом носилки. Лицо Роя встревожено, он не находит Натальи.

Подошёл к открытой двери класса...

Рой всматривается...

Класс пуст. Одна на другую сложены парты. Стены побиты пулями.

На стенах портреты Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Портрет Лермонтова пробит пулей.

Рой видит... На полу, на соломенном тюфяке — Наталья. Возле неё две женщины.

Одна держит в руках молоко и кусок хлеба.

Предлагая молоко, первая женщина говорит:

— Крови-то сколько потеряла... Есть надо...

Другая пошутила:

— ...А то жених откажется.

Наталья слабо улыбнулась. Но вдруг её лицо посветлело... Она увидела подходившего к ней Роя... Женщины встали, отошли... Рой сел на поваленную табуретку возле Натальи.

Он взволнован и не знает, с чего начать, и потом, как бы вспомнив, сказал:

— Комбриг просил передать вам боевое спасибо-
Наталья кивает головой, прикрывает веки.
Рой тихо:
— Поправляйтесь. Мы постараемся вылечить вас...
— Спасибо... Раненым лучше помогите...
И слегка дотронувшись рукой до плеча Натальи сказал:
— Вы так нужны нам... Наташа!..
Наталья улыбнулась:
— Я-то, хороша сестра... Сама свалилась...
Рой молчит.
Наталья заметила: в стороне женщины с улыбкой наблюдают за Роем и Натальей...
Наталья смущённо проговорила:
— Идите. А то мне перед бабами совестно.
Рой встаёт, мнётся. Ему хочется много сказать. Но он говорит совершенно другое:
— Вам что-нибудь надо, Наташа?
Наташа покачала головой:
— Спасибо, ничего...
Рой вздохнул, посмотрел на Наталью, вышел из класса.
Наталья глянула ему вслед и, когда Рой вышел, сказала:
— Бабоньки... Нехорошая я... Нечёсанная...
Первая женщина:
— Да мы тебя зараз причешем...
Вынимает из платочка зеркальце и держит его перед Натальей, в тот момент, когда вторая женщина готовится её причёсывать.

* * *

Зеркало... В зеркале появляется отражение Лидии Чёрной...
Возле трюмо причёсывается Чёрная... Она одета в женское платье, под гимназистку.
Чёрная тихо напевает:
— «...Мне знакомы дороги, тропинки, Перестань, моя крошка,
дрожать...»
Не оборачиваясь, видит в зеркале, как кто-то берётся за дверь. Лидия кладёт руку на браунинг, лежащий на туалетном столике, ждёт. Из растворившейся двери выходит Деверин. Он подходит к Чёрной и целует ей руку, которая была на револьвере, и тихо поёт:
«Нас не выдадут чёрные кони
Вороных никому не догнать».
Чёрная кончила песню, взяла папиросу, села на кушетку.
— А если догонят, Деверин?
Деверин подошёл к кушетке...
Уселся рядом с Чёрной:
— Не догонят... В лагере красных вами доволен Главком Батук...
— Прошу без пошлых интонаций, Деверин!
Деверин продолжил:
— В лагере белых вы на отличном счету даже у самого Деникина... Чего же вам бояться?..
Чёрная гасит, папиросу и, задумавшись, говорит:
— Они-то не страницы...
Она встала, прошла по салону, приоткрыла дверь, заглянула щель, закрыла. Подошла вплотную к Деверину и горячо прошептала:
— Я боюсь таких, как Кочубей... или... Этого пламенного красавца Наливайко. Дикие азиатские глаза...

Чёрная продолжает более нервно:
— Все помешаны на убийствах, на крови... Надоело... Смертельно (надоело... Хотя вам не понять, Деверин, вы толстокожий.
Подошла к туалетному столику, понюхала какой-то флакон, откинула голову.
Деверин приблизился к Чёрной и усмехнулся:
— Вот и хорошо...
Глаза его смеялись.
Чёрная, тяжело дыша, с испугом и недоумением сказала:
— Не понимаю, чему вы радуетесь.
Деверин сразу посерьёзnel... По лицу пробежала гримаса, он сластно повернул Чёрную к себе...
Смотря ей в глаза, зрачок в зрачок, отдельно проговорил:
— Есть война открытая, Лида, — шашки наголо! Есть война скрытая... психологическая... Шашки в ножнах, а тут...
Он пальцем просверлил висок:
— Зараза. С Батуком удаётся. Надо...
Его палец снова у виска:
— ...Отравить сознание Кочубея. Тогда его сабля упадёт на чех, кому он сейчас так беззаветно верит... На большевиков.

* * *

Кочубей остановился перед Батуком, тот пьёт коньяк. Кочубей фо дожидает разговор, раздражён:
— Треба подкову подгонять, пока горячая. Треба наступать! Расширять прорыв! Деникин еж от кольцо... наших одних сил мало! А ты?! Ждёшь пока всю армию передушат?
Батук, тоном превосходства, небрежно говорит:
— Не спеши к богу в рай, там коньяку нет... Садись, Ваня! Пей!
Кочубей оглядел диван, покрытый дорогим ковром и узорчатыми подушками, сподлобья взглянув на Батука, спросил:
...Не замараю?..
Батук сдержанно буркнул:
— Привыкли в навозе спать — вот и странно. Пей же!
Кочубей сел на диван и мрачно ответил:
— Не пью...
Батук выпил рюмку коньяку и после паузы с ухмылкой сказал:
— Тебе хочется наступать... А передо мной ЦИК поставил главную задачу. Должен я ЦИК слушать, а? Или нет?
Кочубей спросил:
— Яка задача?
Вместо ответа Батук подошёл к окну, рывком открыл его, жестом подозвал Кочубея:
— Видишь?
Через Кочубея и Батука виден проходящий обоз, гружённый мешками с зерном.
Кочубей смотрит в окно и, не оборачиваясь, тихо спрашивает:
— Куда?
Батук:
— На Царицын... На Россию... Пока весь хлеб не вывезем, не уйдём... Вот какая задача...
Кочубей отошёл от окна.
— Не знаю, кто казачий хлеб приказал тянуть на Царицын, но знаю одно — треба нам уходить на Рассею...
Батук скривился:

— Тикать? Так что ли?

Кочубей упрямо:

— Ни, не тикать... Уходить сгарбузованно, там силы великие, в Рассее...

И радостно добавил:

— Там — Ленин...

Батук нахмурился. Потом недобрая улыбка проскользнула по его лицу.

— А ты знаешь, Ваня, что Ленин-то не казак... Он и шашкой рубать не может...

Кочубей постепенно накаляется, слушая эти кощунственные, по его мнению, слова. И, наконец, не дав Батуку кончить, вскочил:

— Брешешь, ты! Я да ты, як рубаем?! Аж кости хрустят. А нияк кадетов только на Кубани не перерубаем, а товарищ Ленин по всей Рассее им с носу юшку пустил... А ты...

Он не закончил, так как в салон вошла Чёрная. Привлечённая шумом, она садится на диван и, не обращая внимания на взбешённого Кочубея, берёт несколько аккордов на гитаре и как бы самой себе поёт.

«Начинаются дни золотые.

Воровской непробудной любви...»

Кочубей достаточно ясно понял обстановку, роль Чёрной и отошёл к окну...

Кочубей сурово сдвинул брови. В нём всё ещё докипает гнев.

Чёрная:

«Ах, вы кони мои вороные,

воронные вы кони мои.

Мне знакомы дороги-тропинки,

перестань, моя крошка, дрожать...»

К Кочубею примирительно подошёл Батук...

Кочубей зло проговорил:

— У тебя, Григорий, як у старорежимного генерала. Мало того, шо к тебе пройти — сто адъютантов обгавкать треба. А ще в штабе мадамы...

Батук, будто не слыша, что говорит Кочубей, мечтательно потянулся.

Чёрная продолжает петь:

«Ах вы кони мои вороные,

Воронные вы кони мои...»

Кочубей, отвернувшись, смотрит в окно.

Батук:

— Отличная песня! Люблю! Какая сила, удаль!

Подносит рюмку Кочубею:

— Выпьешь всё же, Ваня!

Кочубей машинально берёт рюмку. Что-то раздумывая, говорит:

— Песня,.. Конокрады завсегда её в каземате спивали,..

Обнаруживает рюмку в своей руке, выбрасывает её за окно... Резко повернувшись к Батуку, с чувством сказал:

— Дывлюсь я на тебя, Гришка. Рубака ты добрый, только який-ся жучок завёлся в твоей башке.

Батук схватился за револьвер, но...

Предупреждающий, острый взгляд Чёрной остановил его вспышку... Кочубей ничего не заметил...

Батук раздражённо выслушал, посуровел.

— Раз так, давай займёмся делами. И обернувшись к Чёрной, добавил:

— Позови Деверина!

И глазами даёт понять ей, чтобы она не возвращалась. Чёрная вышла...

Кочубей смотрит вслед Чёрной, с презрением говорит:

— Як змея... В платье баба, як баба, а ось як натянет черкеску... ть-ф-у!

Входит Деверин.

Батук подзывает Деверина:

— Познакомьтесь с комбригом Кочубеем, товарищ Деверин.

Деверин протягивает руку... На пальцах его кольца. Кочубей, протянувший свою руку, раздумывает и знакомится кивком головы:

— Теж товарищ. Вся лапа в перстнях, я к у 'девки... Деверин услышал и недружелюбно оглядел Кочубея... Батук, чтобы замять неловкость, предложил:

— Уточним положение на фронте. Батук и Деверин подходят к карте... Мрачное лицо Кочубея...

Огибая крутой поворот, по живописной железнодорожной ветке тянется товарный состав. Много вагонов: теплушек, платформ с военным грузом. В открытых дверях сидят люди – военные, гражданские, дети...

В вагоне-теплушке у открытых дверей на патронном ящике сидит Кочубей. Возле него Кандыбин. Оба они молча наблюдают за поездом, на крутом повороте видны все вагоны. Ахмет и Мирошник готовят пищу на печке буржуйке.

Поезд ползёт мимо хлебного обоза, подводы растянулись по всему шляху. В мажарах запряжены лошади, волы и даже верблюды... По бокам обоза всадники охраны. Кочубей, продолжая напряжённо смотреть на эту картину, тихо спросил:

— День и ночь фуры гонят, да шо там в Рассее чи хлеб /не родит?

Кандыбин спокойно:

— Основные хлебные губернии отрезаны от России. Крестьяне ушли на фронт.

Надо же накормить армию, рабочих.

Кочубей буркнул:

— Рабочих треба на фронт.

Указал рукой:

— Ось, любуйся...

Видны сваленные под откосы вагоны, цистерны. Хромые столбы телеграфной связи, много хлама. Запущенное железнодорожное хозяйство.

Указывая пальцем, презрительно процедил сквозь зубы:

— Не могут хозяйновать... Як загадили все путя...

Кандыбин мягко заметил:

— Война!

Кочубей:

— На войне теж нужно держать порядок,

За вагоном замелькали очертания станции. Поезд замедляет ход.

Кочубей и Кандыбин соскочили на перрон станции. За ними метнулся Ахмет. На перроне много людей. Они проходят мимо составов с грузами, орудиями, фуражом, лошадьми. Матросы возятся у морского орудия, смонтированного на платформе.

Навстречу им проходит отряд вооруженных рабочих. Они поют в такт маршу.

Кочубей радостно удивлен:

— Дывись, комиссар!

Кандыбин:

— Рабочие, Ваня!

Кочубей:

— Бачу... Порядок!

Над станцией медленно прокричала труба. Раздалась команда:

— Садись...

Рабочие занимают вагоны...

Кочубей:

— Вася! Е народ... Добри хлопцы! Пройдём на станцию.
Воды хочу.
Кочубей пошёл к вокзалу, нажал плечом дверь и вышел в зал.
За ним Кандыбин и Ахмет.
В вокзальном помещении на полу лежат раненые. Кочубей, Кандыбин и Ахмет осторожно пробираются среди них.
Вдруг кто-то закричал:
— Людей давишь, обормот!
Кочубей остановился, внимательно смотрит по сторонам... Он слышит... Какой-то раненый просит:
— Воды...
С другой стороны...
— Хлиба...
Кочубей обратился к лежащему матросу:
— Шо вас ни поют, ни кормют?
Матрос узнал Кочубея:
— Нет, дорогой товарищ Кочубей! Не поят и не кормят.
Кочубей повернулся к Кандыбину:
— Вася! Шо же це такэ?.. Це же наши бойцы-товарищи...
Раненые, узнавая Кочубея, радостно кивают ему головами, улыбаются.
В это время в зал входит толстый человек в белом кителе...
Он быстро направляется к Кочубею:
— В чём дело, товарищ, и почему вы нарушаете порядок.
Кочубей внимательно разглядывает толстяка:
— Порядок!!! Ты кто?..
Толстяк важно:
— Я заведующий...
Кочубей:
— Заведующий... А шо у тебя люди валяются в грязи як свиньи?
Заведующий безразличным тоном отвечает:
— А вам какое дело?
Все напряжённо слушают:
Кочубей, едва сдерживая гнев, процедил:
— Шо? Я кое моё дело?
И сжав кулаки, закричал:
— Зараз прикажи выскоблить пол и побанить отварной водой.
Заведующий в повышенном тоне заявляет:
— Какое вы имеете право мне приказывать?
Наступая на заведующего, Кочубей крикнул:
— Ты меня ещё не знаешь, я тебя заставлю языком вылизать... Ты знаешь кто я?
Заведующий отступил от Кочубея, тоже кричит:
— Не имею чести...
Кочубей прерывает его:
— Бери чистик, подлюка, чисть, а я погляжу.
Матрос закричал:
— Так их, товарищ Кочубей!
Толстяк, неуклюже ползая по полу, собирает бумагу, окурки, отбросы...
Кочубей:
— Иш як у тебя добре получается... Хватит ползать!..
Толстяк с недоумением вытянулся перед Кочубеем... Кочубей отдельно говорит:
— Вот шо... Собрать всех людей... шо не работают, и всех сестёр милосердных, и жителей трудящихся...

И повернул голову... Понюхал воздух. Отстранив заведующего, осторожно ступая и весь устремлённый только па этот запах, подошёл к дверям кухни...

И в дверях стоит человек, в поварском колпаке...

Кочубей спросил угрожающе тихо:

— Кухарка?

Повар:

— Повар...

Кочубей, не отрывая глаз:

— Шо делаешь?

Повар, словно загипнотизированный, ответил.:

— Готовлю пищу.

Кочубей:

— Пищу? Кому?

Повар:

— Медперсоналу!

Кочубей растянато переспрашивает:

— Перцоналу? А шо им готовишь? Яку пищу?

Повар упавшим голосом:

— Котлеты...

Кочубей:

— Коклеты? Вот оно шо!..

Широким жестом обвёл вокруг себя.

Раненые внимательно слушают Кочубея.

Кочубей:

- Мои други-товарищи хлеба не имеют, а перцоналу коклеты... Смирно!..

Повар будто раскис от страха... Но услышав крик Кочубея, вытянулся, руки повисли у него палками, на животе звякнули длинные, остро отточенные ножи.

Кочубей приказывает, отчеканивая каждое слово:

- ...Приказываю кормить хлопцев. Пока они поднимутся, и если услышу от них хочь едину жалобу, скарёжу тебя як бог черепаху! А сейчас раздать всем по две коклеты...

Обрадованный тем, что грозная опасность миновала, повар ринулся в кухню.

К Кочубею подбежал запыхавшийся заведующий, неумело шаркнув ногами и отдав честь, доложил:

Ваш приказ выполнен, собрал всех, кого можно...

Кочубей вышел из зала... За ним Кандыбин, Ахмет и заведующий.

Кочубей быстрой походкой вышел на перрон... Остановился

Выстроившись в неровную шеренгу, стоят железнодорожники, медицинские сёстры, женщины, работницы.

Со всех сторон собираются красноармейцы, матросы, женщины...

Кочубей поднял руку и начал тихо говорить:

— Граждане! Яки ж вы граждане?

Он указал рукой в сторону вокзала, громко продолжает:

— Там люди... Трудящиеся люди... Шо в борьбе с лютым врагом здоровье за вас повытрусили... Валяются раненые, гол одни, бесприютни...

В группе медицинских сестёр две девушки виновато взглянули друг на друга...

Кочубей:

— А вы — милосердные сестры-женщины. Яки ж вы милосердные сёстры? Где ж ваша людская совесть?..

Кочубей ударил себя в грудь:

— Бьемся за то, шоб было светло, а там — як головой в копанку.

Слушают рабочие, красноармейцы, матросы, сёстры, железнодорожники, женщины-казачки.

Кочубей обводит всех горячим взглядом:

- Вот вызовет вас товарищ Ленин и спросит вас: и шо ж вы делали... Як вы будете держать ответ товарищу Ленину? Допустит он вас в светлую жизнь? А может, срубает вам острой шашкой головы?..

И покачивая головой, с горечью закончил:

— Эх, вы, полова, а не люди!

Голоса женщин:

— Разберём раненых по хатам, выходим.

Окинул всех взглядом Кочубей. Лицо его становится радостным по мере оживления народа. Он поднял руку, всё стихло.

Кочубей одобрительно кивнул, и нарочито грубо, чтобы не истолковали его слова, как слабость, сказал:

— Я еду с политическим моим комиссаром по вызову самого Орджоникидзе и буду завтра обратно.

И закончил тоном приказа:

— Всё вымыть, вычистить, обеспечить хлопцев подушками, одеялами...

...И, сурово обведя глазами столпившихся людей, заканчивает:

— Не будет в порядке, плохо вам будет!

И он улыбнулся, ибо увидел, что его поняли.

Фронтонная чугунная доска. Надпись. Буквы в грубой отливке:
«ЦИК СЕВЕРО-КАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИК».

Здание бывшей гостиницы «Бристоль». На ступеньках около пулемёта «Максим» сидят два красноармейца. К гостинице лихо подсакивают Кочубей, Кандыбин, Ахмет, соскочив с коней и передав их Мирошнику, они быстро вбежали по лестнице и скрылись в дверях...

По лестнице стремительно поднимается Кочубей. За ним Ахмет и Кандыбин. Кочубею преграждает дорогу часовой-латыш Ванакс с винтовкой. Он спокойно говорит:

— Оружие снимите, товарищ!

Кочубей от неожиданности отскочил назад. Схватился за шашку и, снова подступив к красноармейцу, прошипел:

— А ты мне его вешал?

Подскочил Ахмет, готовый на всё. Кандыбин встал между ним и красноармейцем.

Шеремет:

— А, Кочубей!

Все повернулись на голос Шеремета.

Шеремет приветливо пригласил:

— Пожалуйста, заходите, товарищи.

Спускается по лестнице...

Кочубей мрачно смотрит на Шеремета.

— Пожалуйста, заходь, а сами оружие сдирают. Так вы боевых командиров встречаете!

Шеремет улыбнулся:

— Это порядок для всех. Ну, а для Кочубея можно сделать исключение...

И обратился к часовому:

— Пропустите, товарищ Ванакс!

Все двинулись к дверям.

Комната ЦИКа. Большой стол, покрытый сукном. На столе бумаги, карты, карандаши и стаканы недопитого чая... На стене большая карта Северного Кавказа.

Навстречу Кочубею быстрым шагом идёт Рубин — председатель ЦИКа. Он радостно пожимает руку Кочубею, одновременно здороваясь кивком головы с Кандыбиным.

Рубин приветливо говорит:

— Вот и хорошо, что приехали. Орджоникидзе вас ждёт и просит к себе...

Кочубей подозрительно покосился в сторону Рубина и твёрдо заявил:

— Пушай он сюда идёт... Орджоникизде...

Рубин серьёзно взглянул на Кочубея и, повернувшись к Шеремету, сказал:

— Доложите товарищу Орджоникидзе о приходе Кочубея...

Шеремет вышел из комнаты.

Рубин, взяв Кочубея под руку, повёл к рельефной карте фронта, вмонтированной в старый ящик.

— Сейчас придёт товарищ Орджоникидзе и мы решим все вопросы.

Они подошли к карте...

Кочубей изумлённо глядит на карту, хотя в его взгляде и есть пренебрежение к столь явной забаве высшего штаба.

Рубин продолжает:

— А пока уточним положение на фронте,

Кочубей:

- А шо тут уточнять,..

11, показывая на карту, говорит:

— У нас нарзан да пески... Да ще...— ухмыльнулся.— Батуки.., У их хлеб да казаки.

Кочубей и Рубин повернулись,

В комнату вошёл Орджоникидзе...

Орджоникидзе:

— А вам не нравится Главком Батук?

Кочубей:

— Шо он девка, шо б мне нравился, або не нравился.

Орджоникидзе быстро поздоровался с Кандыбиным и подошёл к Кочубею. Протянул ему руку и приветливо сказал:

— Здравствуйте, товарищ Кочубей! Кочубей пожал руку Орджоникидзе.

— Здравствуйте, товарищ Орджоникидзе!..

Орджоникидзе полуобнял Кочубея, усадил его в роскошное кресло, а сам сел напротив на табуретке.

Орджоникидзе:

— Мне про вас таких страхов наболтали... А в вас и страшного ничего нет...

Кочубей:

— Ни, я страшный, товарищ, Орджоникидзе...

Орджоникидзе приподнялся, шутливо сказал;

— Да? Отодвинусь...

Кочубей ухмыльнулся:

- Ни, я страшный до белых.

Орджоникидзе, набивая трубку табаком, говорит:

- Ваша точка зрения мне известна. Вы правы. Мы с трудом освободили дорогу на Царицын...

Затянувшийся табаком Орджоникидзе продолжает:

— И если мы её потеряем, нам останется гибельный путь через прикаспийскую полупустыню...

Внимательно слушает Кочубей.

Орджоникидзе:

— А ведь приближается зима. Там бури, пески, безводье и бездорожье...

При последних словах Орджоникидзе он горячо заявил:

— Це и я кажу, а Батук другую линию гнёт, сволочью он стал.

Рубин, стараясь смягчить положение, сказал:

— Ну, это вы уж слишком...

Кочубей нахмурился, хотел что-то сказать резкое, но, заметив предостерегающий взгляд Кандыбина, сдержался.

Орджоникидзе жестом остановил Рубина, пытавшегося что-то возразить, сказал:

— Поведение Главкома беспокоит не только вас... Но и всех нас...

Кочубей повеселел и, подморгнув Орджоникидзе, сказал:

— Чув я, шо вы человек правильный, товарищ Орджоникидзе, а зараз бачу сам, раз при царе в тюрьму шёл, значит, ни який там подлиза.

Орджоникидзе, отмахиваясь:

— Ну, не хвалите. Вы тоже с атаманами да богачами не здорово целовались.

Кочубей:

— Да откуда вы всё знаете? Як вещун?

Орджоникидзе отшутился:

— Так вы ж известный, потому и знаю...

И уже серьёзно спросил:

— Вот расскажите, как дела у вас?

Кочубей переспросил:

- Это насчет фронта?

И с досадой говорит:

— На фронте порядку нема.

И огорчённо махнув рукой, добавил:

— Кровь льём зря, як воду...

Все внимательно слушают Кочубея... Кочубей молчит, потом в каком-то раздумье проговорил:

— Треба мне до товарища Ленина пробиться, побалакать с ним...

Орджоникидзе. Его лицо.

Кочубей положил руку на колено Орджоникидзе и тихо спросил:

— А скажите, товарищ Орджоникидзе, невжель вы с Лениным во так, як со мной, балакали?

Орджоникидзе ответил просто:

— Да, говорил, конечно. А что?

Кочубей с восторгом проговорил:

— Щасливыйш вы человек, вот шо! Завсегда, кажуть, чернявые щасливые...

И он, сокрушённо махнув рукой, добавил:

— А вот я — белявый!

Орджоникидзе, наблюдавший за Кочубеем, спросил серьёзно:

— А как у вас с кадрами, товарищ Кочубей?

Кочубей растерянно заморгал, насупился:

— Кадрами? А шо це таке?

Орджоникидзе даже не улыбнулся, он серьёзно ответил:

— Люди.

Кочубей близко придвинулся к Орджоникидзе:

— Люди у меня добры. У меня таки люди... Мирошник Свирид — рабочий, а як рубанёт клинком... А Батышев... А Охрим Пелипенко...

Слушает Кандыбин, в глазах его чувство гордости.

Кочубей:

— А Наливайко, ось кажу тебе про Наливайко... Я кий командир Наливайко!

Пятнадцать мостов взял Наливайко...

Батук:

— Что такое, что за анархия?

Лицо Наливайко, глаза горят гневом, в ярости он закричал:

— Зря кровью умывались?

В салон-вагоне против Наливайко стоят Батук и Деверин...

Наливайко продолжает кричать:

— Анархия? Мы дрались, как звери... А кто отвёл части? Дорогу кадеты закрыли!

Измена в штабе!

Батук прошипел:

— Что ты сказал?..

Наливайко, сжав шапку в кулаке, ударил себя в грудь:

— Сердце сказало, Главком! Моё... Сердце! Плохо подсоветовало—рви! Но погляди вначале на него, Главком...

И он указал на Деверина:

— Вернётся Кочубей... Тогда...

И снова, повернувшись к Деверину, закричал:

— Крутишь-вертишь!..

Он схватился за эфес клинка, но махнув рукой, резко надел шапку и бросив полное презрением.

— Гад!..

быстро выбежал из вагона.

Наливайко с разбега вскочил на коня, вздыбил еш и на развороте в бешеном карьере умчался...

Чёрная с недоумением посмотрела вслед ускакавшему Наливайко и быстро вошла в вагон...

Она слышит разговор. Батук в раздражении ходит, Деверин, наоборот, очень спокойно уселся на подлокотник кресла... Батук остановился, спрашивает:

— Что вы натворили, Деверин?

Деверин пожал плечами и иронически добавил:

— Надо проверить! Такие как Наливайко дальше гривы своего коня ничего не видят.

А у нас стратегия...

Батук схватился за наган. Чёрная подошла к нему и спокойно, сняв руку Батука с кобуры, тихо сказала:

— Гриша...

Батук, несколько успокоившись, пробурчал...

— Интеллигентские разговорчики... Говорите толком, что случилось?

Деверин мельком переглянулся с Чёрной:

— Пожалуйста... Наливайко хочет драться? Хорошо... Надо дать ему боевое задание.

Батук спрашивает:

— Какое?

Деверин жестом указал на висящую на стене карту. Батук подошёл к карте, рядом с ним встал и Деверин.

Деверин, указывая на карту, говорит:

— Дорогу закрыли части генерала Покровского. Пускай Наливайко разгромит эти части...

Батук колеблется, обдумывая что-то, говорит:

— Погубим Наливайко...

Деверин убеждённо заявляет:

— Ну, этот прорвёт...

Чёрная:

— Это — пламень, Григорий Лукич!

Оба—Батук и Деверин — повернулись, слушают. Чёрная, подойдя к ним, добавляет:
— Вернётся Кочубей от Орджоникидзе, а Наливайко положит к его ногам такую победу...

Батука окончательно уговорили, но он ещё медля промямлил:

— Только надо поддержать его артиллерией...

Деверин подхватил:

— Конечно!

Батук подтянулся и приказал:

— Чёрная!.. Пиши!

Чёрная присела к столу и, взяв карандаш, приготовилась аисать...

Чёрная пишет, Батук уже в позе полководца, расхаживает и диктует:

- «Начальнику артиллерии. Ваша артиллерия разбросана по полю боя, как платье куртизанки после бурно проведённой ночи...»

Чёрная иронически:

— Отличный язык, Григорий Лукич!

Батук диктует:

— «Приказываю собрать артиллерию в шахматный порядок... И, выпуская по сто выстрелов в минуту, смешать противника с грязью, дерьмом и кровью... И тем помочь замкомбригу Наливайко...»

На разбитой двуколке стоит Чёрная, она смотрит в бинокль. Около двуколки Сухенко. Одной рукой она держит коней, другой — бинокль, не отнимая бинокля от глаз, говорит:

— Артиллерия испортит всё дело...

Чёрная опустила бинокль, вынула из обшлага черкески бумагу и, разорвав её, с усмешкой сказала:

— Как видите, стреляет артиллерия белых, а не красных... Теперь увидим, как Наливайко положит к ногам Кочубея победу.

На курган влетает группа всадников — это Кочубей, Рой, Левшаков, Кандыбин, Ахмет, Мирошник.

Кочубей взволнованно смотрит вдаль.

Вдруг повернулся, мимо них, чуть в стороне, проносятся Чёрная и за ней Сухенко...

Кандыбин встревоженно спрашивает Кочубея:

— Что с тобой, комбриг?

Кочубей посмотрел вслед Чёрной и Сухенко, процедил:

— Черна ворона... Чую якусь пакость, Вася!

И, приложив бинокль к глазам, проговорил:

— Шось тут задумал без меня Батук?

Рой, вдруг увидев что-то, крикнул:

— Кто-то скачет...Все повернулись...

К группе Кочубея на полном карьере подлетел Охрим Пелипенко, спрыгнул с седла. Подбежал к Кочубею и подал ему окровавленный клинок...

Кочубей схватил шашку.

Кочубей в исступлении закричал:

— Наливайко?!

Охрим Пелипенко ничего не ответил, он рукавом провёл по глазам и, кивнув головой, указал в сторону боя:

— Продали... Наливайко...

Кочубей сходу рванулся вперёд, за ним все остальные...

Мчится Кочубей, кубанка его слетела. Белесые волосы развиваются на лету. В руках шашка Наливайко... Лицо его страшно...

Навстречу Кочубею мчится тачанка, четвёрка коней бросает её из стороны в сторону. Вокруг тачанки несутся всадники. На тачанке Митька Шило и Пётр Кандыбин придерживают на толчках смертельно раненого Наливайко.

— Шкода, велика шкода!..

Кочубей подскочил к тачанке, спрыгнул с коня и побежал к лежащему на соломе Наливайко.

Шило и Пётр Кандыбин, уступая место Кочубею, спрыгнули с тачанки...

Кочубей обеими руками приподнял голову Наливайко... по лицу которого стекают струйки крови...

Кочубей дрогнувшим голосом говорит:

— Друже! Це я... Кочубей...

Наливайко приоткрыл глаза, тихо проговорил:

— Ты, Ваня?

Кочубей обрадованно:

— Я— я... Да кто же... Вставай, Наливайко!

Наливайко с трудом, срывающимся голосом шепчет:

— Засада! Была измена, Ваня!

Кочубей растянато спросил:

— Шо? Яка измена?..

Наливайко молчит, голова склонилась на плечо.

Кочубей в отчаянии прижал к себе друга, повторяет:

— Яка измена?

Кочубей поддерживает голову мертвого Наливайко и тяжёлым взглядом смотрит на угрюмые лица бойцов: Пелипенко, Мирошника, Роя, Кандыбиных, Ахмета и многих других. Все они глубоко переживают потерю командира.

Прижавшись к Митьке Шило, просто, по-мальчишески всхлипывает Володька.

Бережно опустил Кочубей тело Наливайко. Нагнулся и поцеловал в губы боевого друга...

Собрав в себе силы, он выпрямился и с огромной душевной болью, сказал:

— Как же вы, хлопцы... такого... Наливайко не доглядели!..

* * *

На тачанке Левшаков развязывает тюк мануфактуры—похоронный фонд комбрига. Около колеса пристроился Володька. Облокотившись о крыло, стоит Пелипенко.

Слышна песня:

«С тобою я привык мечтать, с тобою, яркою звездой»... и т. д.

К тачанке подошёл Ахмет:

— Батько приказал, атласу...

Левшаков отложил начатый тюк. Взял другой и, отмерив пять махов атласа, передал Ахмету. Ахмет идёт к дому.

Возле водопойных корыт, положив друг другу руки на плечи, стоят пленные казаки и тихо поют, глядя в звёздное небо, мимо них проходит Ахмет.

На крылечке сидит Рой, он тихо подпевает знакомую с юности казачью песню:

«С тобою я привык мечтать,

С тобою, ясною звездой»...

Мимо Роя проходит Ахмет. Остановился...

...Подозрительно посмотрел на Роя и вошёл в дом.

По комнате быстро шагает Кочубей. Хозяйка шьёт на ручной машинке...

В углу прижались друг к другу Федька с братишкой. Они не спускают глаз с Кочубея. У окна сидит Кандыбин... Он читает книгу...

Кочубей остановился перед Кандыбиным. На лице его мука:

— Убит Наливайко... Такого орла...

Вошёл Ахмет.

Кочубей взял из его рук отрез атласа, отдал хозяйке, сурово приказал:

— Шей на смерть рубаху Наливайко.

Кандыбин полубнял Кочубея:

— Наливайко умер в бою. Это хорошая смерть.

Кочубей:

— Измена... Сам сказал Наливайко... Кто?!

Он броско оглянулся, спросил:

— А где Рой?

Кандыбин с досадой:

— Да брось ты, Ваня!

Кочубей:

— Ахмет, где Рой?

Ахмет спрятался за стогом сена. Глаза его остры. Он следит.

Невдалеке от него, на выгоне Рой. Он ждёт. Кого-то увидев, Рой пошёл вперёд...

Ахмет прилёг на бурьяне, взяв в зубы кинжал, пополз... Остановился....

Рой и Наталья удаляются в степь.

Ахмет прополз ещё, наблюдает.

Рой и Наталья остановились. Рой сбросил бурку. Наталья села на бурку, указала Рою место рядом с собою...

Ахмет прополз ещё немного, вслушался. Складки на лице Ахмета постепенно разгладились. Лицо стало спокойным...

Адыгеец спрятал кинжал в ножны и, ловко, по-пластунски, пополз к хутору...

Удалившись на некоторое расстояние, Ахмет поднялся и медленно зашагал к околице...

...Нагнулся, сорвал какой-то засохший цветок... Понюхал цветок, повернулся в сторону влюблённых и лицо Ахмета осветилось улыбкой.

На горизонте первые признаки зари.

Ползут облака. Степь, откованная копытами.

Наталья встала... Отвернулась... Рой взял её руку, прошептал:

— Наташа... Дорогая моя...

Наталья отстранила руку Роя и с горечью сказала:

— Иди выхваляйся...

Рой отступил, поражённый:

— Наташа, за что?

Наталья с душевной болью проговорила:

— У вас же так заведено, у офицеров...

Рой опустил голову...

Наталья глянула искоса на него. Ей стало жаль Роя.

Она стала к Рою лицом к лицу и, приподняв его голову, тихо сказала:

— Андрей... Обидела? Прости, такая я уж отроду.

Он взял её руку и долго не отрывал от неё губ.

Он целовал её мокрое от слёз лицо. Наталья приглаживала ладонями волосы Роя:

— Андрей... Как хорошо...

Рой благодарно отвечал ей:

— Наташа! Награда за все муки, за ночь моей жизни. Зорька моя... Мы всем расскажем теперь...

Наталья отрицательно качнула головой и просто сказала:

— Никому в бригаде.

Рой:

— Кочубею!

Наталья опустила руки:

— Даже Кочубею.

Оправляя свои волосы, Наталья сказала:

— Рано ещё свадьбы играть, Андрей. Пришла к тебе потому, что видела мёртвого Наливайко и сердце зашло... Думаю:

Как зачарованный слушает Рой.

Наталья положила руки Рою на плечи и, глядя ему в глаза, сказала:

— Завтра, может, в амбар на бурках принесут тебя, Андрей, и мне придётся шить тебе на смерть рубаху... А ты и не знаешь, что ты мне любимый. Рассвет тронул горизонт. Прижавшись друг к другу, идут Наталья и Рой.

Наталья:

— По чудному я люблю тебя, Андрей. Чем больше люблю, тем больше хочется сделать большего любимому... А потом, ты офицер, я простая, станичная... Тебе и Кочубей не доверял... Держал при тебе Ахмета...

Рой остановился, посмотрел на Наталью...

Наталья продолжает:

— Разные слухи о тебе ходили в отряде. Но ты всегда выводил отряд по картам.

Рой помрачнел и тихо спросил:

— А люди?

Наталья:

— Наши тебя уважают... — Задумчиво: — Да что ты закручинился? Что было, то прошло...

Наталья обняла шею Роя и быстро заговорила:

— А теперь люблю тебя навсегда. Навек... Любовь моя пришла с муками... А такую любовь, Андрей, не забывают...

Рой поцеловал Наталью...

Послышались залпы. Один, другой...

— Певунов вывели в расход, — сказала Наталья.

Полуобнявшись Рой и Наталья направились к хутору. Их силуэты постепенно растаяли.

* * *

Около небольшого полустанка с черепичной крышей, на ящиках, на шпалах, около железнодорожного пути, расположился резерв кочубеевцев. У походных коновязей— лошади, тачанки, даже трёхдоймовки. Группа кочубеевцев. Среди них— Пелипенко, Мирошник, Пётр Кандыбин, Митька Шило и Володька...

Густым голосом заводит Охрим Пелипенко:

«Ой, Кубань, ты наша родина,
Вековой наш богатырь»...

...Подхватывают песню:

«Многоводная, раздольная,
Разлилась ты вдаль и вширь»...

Невдалеке от полустанка остановился паровоз с цистерной. Кочегар отцепляет цистерну.

На паровозе Сухенко и Чёрная. Сухенко, кивнув головой на цистерну, сказал:

— Жаль! Такой товар! Чистый коньячный спирт!

Чёрная:

— Спирт поможет нам, Сухенко, разложить Кочубеевскую бригаду.

Уходящий вдаль паровозик.

На пути осталась одинокая цистерна.

Кочубеевцы продолжают петь:

«За твои станицы вольные,
Жизнь свою ли не отдать»...

Особенно выделяется залиvistый голосок Митьки Шило.

Но вот он замолк и повёл своим острым носиком. Принюхивается...

На переезде остановился автомобиль. Рубин, Шеремет и Кандыбин подошли к цистерне...

Рубин спрашивает Шеремета:

— Для чего тут спирт?

Шеремет:

— Сам не знаю... Не было тут ничего...

Рубин:

— Спирт нужно убрать. И чем скорее, тем лучше...

Обратился к Кандыбину:

— Пока достанут паровоз, необходимо поставить охрану.

Кандыбин задумался:

— Охрану? Рискованно...

И вдруг, что-то сообразив, улыбнулся:

— Придумал, товарищ Рубин! Лучше всякой охраны будет!

Поют кочубеевцы. Шило замолк, принюхивается. Перестали петь и остальные.

Шило поднялся:

— Чую выпивку...

Пелипенко потянул носом:

— Да... Что-сь отдаёт атмосфера...

Поднялся Митька Шило и пошёл. За ним Пелипенко и остальные... Все они идут на аппарат, всматриваясь вперёд. Вот они остановились... На лицах недоумение. У некоторых — испуг... Митька

Шило смотрит, чем-то поражённый...

На цистерне белой краской нарисованы череп с перекрещенными под ним костями, а ниже выведено:

«Яд — для технических целей».

Удивлённые лица бойцов... Володька бормотнул:

— Смерть!..

Пелипенко:

— Как у Корниловца на гимнастёрке. Череп с костями.

Пётр Кандыбин:

— С такой вывеской цистерна на тот свет отвезёт без пересадки...

Митька Шило с жалкой улыбкой посмотрел на Петра Кандыбина, расстегнул ворот гимнастёрки.

К цистерне подходят бойцы. Подскакала группа конников...

Осадили коней, спешили. Сели, также благоговейно сняв шапки.

Молча сидят бойцы, не спуская глаз с цистерны.

И вдруг разломал тишину скрипучий голос:

— Братцы-товарищи, дозвоьте за мир пострадать...

Все повернули головы и узнали Шило.

Митька Шило стоит, сняв шапку, склонив голову набок.

Все смотрят на Митьку...
Расценив молчание, как знак согласия, Митька двинулся к цистерне.
И по мере его прохода, бойцы молчаливо расступились.
Шило подошёл к цистерне, положил шапку на землю, перекрестился и полез на цистерну...
Стало удивительно тихо...
Митька влез... отдышался и пропел:
— Браты-товарищи, разрешите за народ смерть принять!
Толпа зашумела и затихла.
Шило сел верхом, уложил между ног флягу с водой, отвязал от пояса котелок, снял пояс.
Привязав пояс к котелку, нагнулся в жерло люка...
Раздувая ноздри, тяжело дышат бойцы, облизывая пересохшие губы... С ужасом смотрит Володька...
Митька Шило, вытащив котелок, прильнул к нему губами.
Глаза бойцов напряжённо следят за каждым движением Митьки Шило.
Зашелестела толпа. Цикнули на передних, вставших на ноги. И снова стало тихо...
Шило развернул тряпицу, вытащил оттуда колбасу и хлеб и начал жевать...
Молодой боец проголосил:
— Мабуть зараз свалится? И за шо только добрый человек жизнь свою решает?
Стоявший рядом с бойцом Пелипенко сказал:
— Цыть! Кажить, за мир честной...
И покачав укоризненно головой, добавил:
— Такого не понять, эх!..
Шило, хныча, ещё раз опустил котелок и снова выпил...
Пелипенко машинально перекрестился, а потом уже содрал с головы шапку. Володька вцепился в Пелипенко.
Митька Шило пьяно запричитал:
— Прошу простить меня, кого я забидел словом, делом ал и помыслом... Разрешите, товарищи~друзи?..
Пелипенко:
— Чи третью манерку, га? Шо ж вин не дохне, га?— крикнул молодой боец.
— Мабудь, он двужильный...
Пелипенко:
- Двужильный! Шо он киргизский конь?..
Высокий боец, обвитый пулеметными лентами, бесцеремонно расталкивая всех, начал пробираться к цистерне.
— Давай! Выпивка!.. Факт!..
Выкрикнул он истошным голосом. Этот призыв сразу двинул толпу к цистерне.
И вдруг раздался повелительный окрик:
— Смирно!
Все повернулись...
На лицах появился испуг.
Тишина...
Стоит Кочубей. В руках его плеть. За комбригом — Ахмет, Кандыбин, Рой, Левшаков, Свирид Мирошник...
Кочубей молча осмотрел бойцов, перевёл глаза на Шило, снова на бойцов и угрожающе-ласково говорит:
— Ну, ну, кто хочет откуштовать, давай к цистерне...
Шило пьяно взглянул на Кочубея, привычно шмыгнув носиком.
Кочубей продолжает в несколько другом тоне:
— А ответ перед товарищем Лениным мне держать своей головой...

Молчат бойцы.
— ...Не нужна она вам? — спрашивает Кочубей.
И делает вперёд несколько шагов, расступаются перед ним бойцы.
Кочубей продолжает:
— Идут бои, а вы? Може, цей спирт вам Деникин прислал на поминки бригаде.
Кочубей, узнав Пелипенко, строго спросил:
— Почему не пьёшь?
Пелипенко вытянулся, козырнул, гаркнул:
— Сознательность заедает, товарищ командир...
Паровоз стукнул буферами. И тот-же кочегар прицепил цистерну. Митька свалился с цистерны почти к ногам Кочубея.
Кочубей указал на Шило плетью:
— Восстановить в прежней доблести!
Митька Шило зажмурил глаза, пьяно пролепетал:
— Дозвольте смерть принять...
Молча утюжили Митьку.
Перед Кочубеем стоит Батук. За ним свита. Паровоз тянет цистерну. За шумом колёс пока не слышно о чём спорят Кочубей и Главком.
Батук пытается успокоить Кочубея:
— Ваня! Ты должен понять одно, нас хотят поссорить...
Кочубей твёрдо отвечает:
— Ни!..
Батук продолжает:
— Рубина видели на полустанке, он подослал цистерну.
Кочубей упрямо перебивает:
— Ни!..
Батук гордо выпрямился:
— Мы с тобой казаки, полководцы, а они гражданские...
Кочубей уже не может сдержаться:
— Ты брось, Главком, меня путать. Ленин теж гражданская власть.
Кочубей вплотную приблизился к Батуку и отдельно проговорил:
— Ты чул хоть крайкой уха, шо такое рабочий класс, га? А вин теж гражданский.
Батук отшатнулся от Кочубея. Рука его потянулась к нагану. Кочубей схватился за ручку маузера. Перед Батуком вырос Ахмет. Он закрыл своим телом комбрига.
Кочубей отстранил Ахмета.
Батук, тяжело дыша, спросил:
— Кто армию завёл в западню?
Кочубей гневно выпалил:
— Ты... со своим штабом...
И указав рукой на пышную свиту Батука, продолжает:
— Ты оглянись... Яки у тебя кадры...
Шикарные, наглые и свирепые, в пёстрых одеждах, завешанные разнообразным дорогим оружием, представители батуковской свиты...
Кочубей повторяет слова Батука:
— Кто армию завёл?
И он с гневом выкрикнул:
— А кто швырнул в капкан Наливайко? Кто?
Батук, встревоженно и растерянно отступив поближе, пытается убедить Кочубея:
— Нам крепко надо держаться друг друга. По одному нас перешлёпают, как перепелов, Ваня!
Кочубей презрительно выдавил:
— Я думал, шо ты крепкий, а ты як чувал с половой...

Батук вспылел:

— Я, чувал?

И угрожающе добавил:

— Ладно! Мы ещё побеседуем, комбриг!

И он вскочил на коня.

Кочубей крикнул:

— Я с самим Орджоникидзе беседовал. А шо мне с тобой беседа... Як дым с трубы...

Батук ускакал. За ним — свита.

* * *

Ветер... Гнётся бурьян. В степях следы недавних боёв. Разбитое, без колеса орудие, перевёрнутая телега. Зброшенные траншеи. Выбитая конскими атаками, посеревшая степь. Скелет лошади... Несётся по степи перекасти-поле...

У крыльца шум...

Два горца в бурках, с карабинами в руках, не пропускают в штаб Петра Кандыбина.

— Мне до комиссара... Я ж его батько...

Один из адыгейцев — Мусса, упрямо бубнит:

— Уходи, уходи...

Из штаба вышел Левшаков, увидел Петра Кандыбина, приказал:

— Пропустить до комиссара...

И, поздоровавшись за руку со стариком, торжественно и громогласно заявил:

— Это есть его родной папаша!

Адыгейцы почтительно вытянулись. Кандыбин, сопровождаемый Левшаковым, вошёл в дом.

В горнице никого нет. Из дверей вышел Василий Кандыбин, он радостно направился к отцу:

— Здравствуй, батя!

Пётр Кандыбин нахмурился и по-военному ответил:

— Здравствуйте, товарищ комиссар...

Комиссар быстро погасил появившуюся было улыбку и также официально, указав рукой на дверь, проговорил:

— Прошу, товарищ Кандыбин...

Он хочет пропустить первым отца, но тот упрямо ждёт... Тогда Василий быстро вошёл в дверь...

Пётр Кандыбин вернулся, подошёл к Левшакову и тихо, но безапелляционно сказал:

— Ну-ка, сынок, пойдя проверь, что там на воздухе...

Левшаков с недоумением посмотрел на старика, но, поймав утверждающий кивок комиссара, пожав плечами, вышел из горницы.

Пётр Кандыбин закрыл за ним дверь на крючок.

Пётр Кандыбин обошёл комнату, заглянул под лавку, под стол, шапкой выгнал кота и накиннулся на сына:

— Ах, ты, бисов сын! Душа с тебя вон!

Комиссар шутливо поднял руки, отступил:

— Что с тобой, батя? Не забывай, я — комиссар бригады, а ты всего-навсего взводный...

Пётр Кандыбин вспылел:

— Ты мне комиссар там, на людях, а тут...

и показал сыну кулак:

— Я тебе так бока накомиссарю...

Комиссар видя, что шутки неуместны, строго сказал:

— Давай всё же толком. В чём дело?

Пётр Кандыбин хмуро взгляделся в сына:

— Станишников на подмогу революции звали?

— Звали и зовём.

И комиссар показал на стену, где висело воззвание:

— Вот воззвание ЦИКа.

Пётр Кандыбин:

— По этому воззванию и пришли казаки. Больше тысячи. А их вторые сутки возле комиссариата манежат. Ни да, ни нет не говорят, не принимают... Казаки, мол, ненадёжные...

И он с горечью добавил:

— Болтают, что Кочубей заставы выставил и пулемётами всех сечёт...

Комиссар подошёл к отцу, горячо сказал:

— Это провокация, отец!

Пётр Кандыбин передразнил:

— Вот тебе и какация! А чего же вы молчите?

Он тяжело опустил на скамейку и уже более спокойным, но уставшим голосом проговорил:

— Был я там, окружили они меня... Иди, говорят, в заступу...

И он, посмотрев на сына, с досадой закончил:

— Перед кем? Перед сынком, сопляком? Мало я тебя...

Комиссар перебил Петра Кандыбина:

— Не шуми, батько...

Он присел рядом со стариком и уже просто, как обычно говорят близкие люди, сказал:

— Казаков трудовых в обиду не дадим... Хотят поссорить казаков с Кочубеем...

Спасибо, батько!

И ласково добавил:

— Давай же, теперь хотя, поздороваемся. Давно не видались.

Они обнялись:

— Зря только на меня кричал, батя.

Пётр Кандыбин хитро подмигнул:

— Да я не без понятия. Мы-то вдвоём остались, Вася... Я kota и того...

И он жестом закончил свою фразу.

Двор военкомата заполнен людьми. Тут казаки в разных одеждах — и военных, и гражданских, с оружием и без оружия. Много женщин. Все они возбуждены.

Говор людей:

— Мы казаки...

— Нас позвал Реввоенсовет...

— Не пойдём к белякам...

— Мы к Кочубею...

На открытой террасе дома, выходящего во двор, стоит Сухенко...

Возле него несколько конвойдев Батука. Сухенко курит и нагло наблюдает за происходящим.

К нему подошёл Редкодуб. На нём нагольный полушубок, башлык на шее, шашка:

— Так... Не берёте к себе... Боитесь?

И указал на стену.

На стене висит воззвание. Крупными буквами написано:

«Казаки! Революция зовёт вас».

Редкодуб продолжает.

— Нас позвали... А теперь мы хотим к Кочубею!

Сухенко содрал воззвание, смял его, бросил и небрежно ответил:

— Бригада Кочубея укомплектована.

По дороге несутся Кочубей, Кандыбины—отец и сын, за ними Ахмет...
На мажаре — Редкодуб, окружённый станичниками.
— ...Что же, станичники, коли нас не хотят... Докажем Советской власти свою идею...
Он снял с головы папаху, бросил её наземь и дрогнувшим голосом сказал:
— Голые дерутся красные солдаты с кадетом...
И, сдирая с себя полушубок, закричал:
— Снимай кожухи, станичники! Для красных воинов! Для Кочубея! Раз мы ему не нужны... Скидай!
И первый бросил свой нагольный полушубок на землю.
— На! Бери!
— Докажем свою честь!
— Снимай кожухи!
Казак один за другим сбрасывают с себя одежду.
Под крики станичников вмиг выросла гора шуб, поддёвок, дублёнок, шинелей и шапок. Редкодуб в сильном волнении продолжает.
— Кто смёрз — гоняй домой, там отопреют кадеты! Зажарят в своей хате... А я найду самого Кочубея...
Он не закончил. Кочубей, оба Кандыбины и Ахмет влетели во двор.
Соскочив с коня, Кочубей быстро прошёл в середину толпы.
Он внимательно оглядел всех... Подозрительно посмотрел на кучу одежды... Взглянул на подошедшего комиссара, передёрнул плечами, снял шапку, бросил её себе под ноги, скинул башлык, пояс, сложил подле себя оружие. Содрал с плеч поддёвку, швырнул её на самый верх кучи. И ровным, спокойным голосом сказал:
— Зараз давайте балакать в одном положении. А то одному буде жарко, другому холодно...
И более резко, нетерпеливо спросил:
— В чём дело?
Все зашумели, перебивая и стараясь перекричать друг друга...
Голоса:
— Не берут нас!
— Обманули!..
— Не верят нам!..
Кочубей закрыл уши:
— Ярмарок! Давай кто-нибудь один.
Редкодуб выступил вперёд и начал говорить от имени всех:
— Мы, казаки, и не рады, товарищ Кочубей. Потому, нет казакам доверия от Советской власти...
Слушают Кочубей и Кандыбин. Лицо Кочубея мрачно...
Редкодуб:
— Узнали мы неустойки на фронте. Услышали: зовёт Советская власть казаков. Подседлали мы коней, кто пеший прибрёл, кто на мажаре приехал, шашки на брусках навели, а нам что?!
Опустив голову, слушает бородатый казак... Молодой, ещё совсем безусый парень, не спускает глаз с Редкодуба. Около него пожилая женщина, видимо, мать этого парня...
Протискиваясь сквозь толпу, слушают Рубин, Шеремет... за ними пробирается Деверин... Деверин и Сухенко быстро переглянулись...
Редкодуб наотмашь ударил себя в грудь и повысил голос почти до крика:
— Да как мы пойдём по домам? Что скажем станице? Кинулись, мол, к своим, не засватали... Что делать теперь? К белым в дружки идти? Покумоваться с огнём да нагайкою... к кадету толкаете?
Все молчат. Молчит и Кочубей, вглядываясь в Редкодуба, узнаёт в нём пленного.
Редкодуб:

— Думаете — обманем, продадим?
Он посмотрел прямо в глаза Кочубею:
— Так... что ли, товарищ Кочубей, а?
Кочубей стоит, опустив руки. Лицо его окаменело...
Внимательно смотрят Рубин и Шеремет...
Кочубей указал рукой на кучу с одеждой:
— А це шо?
Редкодуб ответил:
— Пожертвовали для красного войска...
Кочубей не спеша стал одеваться. Надел шапку, поддёвку, перекинул через плечо ремень, маузер, нацепил шашку, за спину башлык и подтянувшись, поднял руку и приказал:
— Разобрать шубы!..
Казаки бросились разбирать одежду.
— Становись! — раздалась повелительная команда Кочубея...
Казаки с радостными лицами одеваются, быстро выстраиваются в две шеренги.
Кочубей командует:
— Смирно!..
Привычно вытянулись казаки...
Кочубей:
— Товарищи земляки-казаки! Бывает и на старуху проруха...
Он снял шапку и просто сказал:
— Прошу прощения! А вам за науку наше боевое спасибо! А про дела эти я расскажу самому председателю ЦИК а — Рубину...
Кочубей надел на голову шапку и подал певучую кавалерийскую команду:
— По ко-о-ня-я-м!..
Бросились казаки к коновязям, к мажарам, разбирая своих коней...
Женщины держат коней под уздцы, целуют мужей, а кое-кто храпы коней...
Кочубей подозвал к себе Петра Кандыбина:
— Взводный!
Пётр Кандыбин встал перед ним, отдал честь:
— Спасибо, Петро... веди пополнение до бригады.
Пётр Кандыбин громко отрапортовал:
— Слушаюсь, товарищ комбриг!
И подмигнув сыну, громким голосом подал команду:
— Садись!..
Ахмет с восхищением смотрит на Петра Кандыбина. Он не заметил, что Кочубея с комиссаром уже нет возле него.
Кочубей неожиданно столкнулся с Рубиным:
— Рубин! — воскликнул он.
Рубин тепло поздоровался с Кочубеем:
— Ты хотел поговорить со мной, товарищ Кочубей, поедем...
расскажешь...
И он указал Кочубею на автомобиль...
Кочубей растерянно посмотрел на машину и повернувшись к Кандыбину, сказал:
— Поедем, Вася!
Рубин сел в машину, Кочубей нерешительно сел рядом и тихо проговорил:
— Зроду не катався на такой коняке.
Рубин улыбнулся. Машина тронулась.
Ахмет оглянулся, глазами ищет Кочубея. Ахмет с налёту вскочил на коня и вылетел на дорогу.
По дороге бешеным карьером мчится Ахмет, догоняя машину...

Нагнав машину, он соскочил с коня, уцепился за борт...
...И едва переводя дыхание, крикнул на Кочубея:
— Зачем ушёл без меня?!
Ударил себя в грудь.
— Ты нам сказал куда пошёл?
Кочубей, сделав нарочито-виноватое лицо, извиняющимся тоном, жалобно ответил:
— Больше не буду, Ахмет!..
Рубин и Шеремет искренне смеются. Кочубей подмигнул им.
Ахмет успокоился и гордо замолчал.
По дороге удалится автомобиль.

Около сидящего за столом Батука Сухенко, стоя, с жадностью пьёт воду. Напился, Отёр губы.
— Рубин увёз Кочубея... Угрожал — разберусь...
Батук мрачен, как туча. Вошёл Деверин, следит за Батуком.
Сухенко продолжает:
— Казаков поднял... против нас...
Батук пробормотал:
— Так... ясно...
Деверин твёрдо и льстиво:
— Теперь у вас вся ответственность за судьбы армии и республики.
Батук молчит. В глазах его исчезает злобная растерянность, появляется выражение железной решимости...
Деверин, заметив перемену в Главкоме, вкрадчиво продолжает:
— Проволока в тылу всегда мешала крупным полководцам...
Батук подошёл к окну... Деверин и Сухенко переглянулись...
Батук около окна.
На стекле лёгкий налёт изморози. Батук вынимает из кармана монету, зажимает в кулак...
Он слышит голос Деверина...
— ...Они вызвали Кочубея, чтобы опереться на его части...
Они подготавливают ваш арест...
Не глядя, прилепил монету к замороженному стеклу...
Открыл глаза — смотрит...
На медной монете — орёл...
Еле раздвигая губы, приказал:
— Арестовать Рубина и всех остальных... Шеремета — тоже...
И не выдержав, закричал:
— Арестовать Кочубея!

* * *

Кочубей горяча говорит:
— ...Я бы его, Батука, со всем его кодром к конячим хвостам привязал и по степи...
Внимательно слушают члены ЦИК а. Кочубей остановился перед Рубиным:
— Разве у него штаб? Это не штаб, а... как его... публичное обзаведение...
И он сплюнул.
— Он против товарища Ленина, а раз против — значит... враг!
И с горечью закончил:
— А какой казак был — рубака...
Рубин подошёл к Кочубею:

— Успокойтесь, товарищ Кочубей. Надо разобраться по революционному закону... А к хвосту вязать и по степи... нельзя!

Кочубей решительно надел шапку и с досадой сказал:

— Кажись, я тебя не уговорил, председатель республики! Шо знав, то сказав... помяни слово Вани Кочубея! Принесёт вам Батук лиха!..

Около кочубеевцев собрались люди, идёт разговор.

Пожилая женщина подходит к Володьке, смотрит на него с материнской нежностью:

— Я кий маленький, а уже воевать...

Хочет его приголубить...

— Идите, не маленький...

С напускной грубоватостью говорит Володька и отходит к своим усатым товарищам.

К подъезду подскакивают всадники. Подскакавший Сухенко кричит:

— Разойдись!..

Наезжает грудью коня на ту женщину, которая хотела поцеловать Володьку. И Володька бросается к ней, чтобы защитить её, становится впереди, смело глядя на Сухенко.

В это время Кочубей, Кандыбин и Ахмет спустились с лестницы.

Кочубей — Сухенко:

— Чего людей давишь?

Сухенко — Кочубею:

— Вас требует к себе Главком, товарищ Кочубей!

Кочубей вскочил в седло и весь конвой сделал то же.

Сухенко настойчиво повторил:

— Вас требует Главком!

Кочубей, горяча коня, усмехнулся:

— Ладно! Я ему по выпивке не помощник. Мене треба до фронта... Пошли!

И он двинулся вперёд,

Сухенко преградил Кочубею дорогу:

— Если так...

Кочубей с ненавистью глянул на Сухенко и властно крикнул:

— Ахмет!..

Ахмет взмахнул плетью и с седла рубанул Сухенко. Тот схватился руками за лицо.

Кочубеевцы легко прорвались через ошеломлённых батуковцев, ускакали.

Сухенко присел на ступеньку, положил два нагана на одно и другое колено, ощупал просечённый плетью Ахмета лоб, приказал еле раздвигая губы.

— Забрать всех...

* * *

Одновременно батуковцы бросились в здание ЦИК а, а к подъезду подкатили два автомобиля.

У стола сидит мрачный Батук.

Чёрная поёт:

— Белой акации гроздь душистые,

Вновь ар-р-ро-ма-а-том полны...

Батук криво улыбнулся и тяжело выдавил:

— Всё прошло, Лида.

Чёрная:

— ...Вновь ароматом полны...

Батук тяжело поднялся, шагнул к окну.

Осторожно смотрит в окно, стараясь быть незамеченным снаружи:

— Везут...

Чёрная:

— Боишься?

Батук не слышит Чёрную, он весь в себе:

— Может... отставить... помиловать?

Чёрная встала, закурила:

— Поздно... приказание.

Батук выдавил:

— В собачий ящик!..

Возле ставки главкома затормозили два открытых автомобиля... В первом автомобиле—Рубин и Шеремет. На них направлены револьверы и винтовки. Тут же Сухенко. На втором автомобиле — другие члены ЦИК а.

Рубин бесстрашно раздвинул стволы винтовок, спрыгнул с машины.

Шеремет:

— Напрасно! Я знаю его слишком хорошо.

Рубин сказал:

— Я должен объясниться с ним...

И направился к вагону.

Сухенко преградил дорогу Рубину.

Рубин спокойно отвёл рукой наган Сухенко и пошёл дальше.

За Рубиным идёт Шеремет.

На ступеньках вагона сидит Чёрная, делая вид, что читает книгу.

Она искоса следит за всем, что происходит. Рубин и Шеремет подошли к вагону.

Рубин обращается к Чёрной:

— Разрешите!..

Чёрная встала:

— Главком отдыхает, нельзя.

Рубин настойчиво:

Произошла какая-то ошибка...

Чёрная отдельно:

— Не ошибка, а трагические события, Рубин. Вы—арестованы!

— Кто имеет право арестовывать нас?

Шеремет отстранил Чёрную.

— Я пройду сам к Главкому. Всё выясню...

Он уже в тамбуре вагона. Чёрная вскинула наган Выстрел.

Шеремет падает навзничь.

Чёрная крикнула:

— Под Машук!

Конвойцы схватили Рубина и потащили к автомобилю...

Рубин:

— Предатели!

У окна Батук...

В автомобиле — Рубин... Рядом — с наганом Сухенко. На подножках, с двух сторон — конвойцы. Вдали видна другая машина. Рубин заметил в окне Батука... Смотрит...

Батук быстро отклонился от окна...

Машины тронулись...

Сидит Батук...

В дверях появился Сухенко. Волосы прилипли к мокрому лицу...

— Ну?!

Сухенко:

— Всех...

Делает выразительный жест. Вбегает Деверин. В руках у него телеграфная лента.

Батук вырывает ленту, читает... Лицо Батука искажается. Подошел к окну.
На стекле попрежнему медная монета.
Батук ударил кулаком по стеклу. Стекло рассыпалось вдребезги. Ворвался ветер. Летят бумаги. Трепещут занавески. Карта.
Шквалистый порыв ветра.

* * *

Ветер рвёт палатку. Заметает снегом... Кавказские горы... У костров вооружённые осетины...

Орджоникидзе в овчинном полушубке греет руки над керосиновой лампой и диктует начальнику радиации, плотному, с небольшими усиками военному:

— ...Срочно собрать чрезвычайный съезд советов с представителями воинских частей...

Ползёт лента аппарата «Бодо»:

— «Военная срочная, всем, всем революционным войскам, совдепам и гражданам...»

Ползёт лента:

— «Второй чрезвычайный съезд Советов Северо-Кавказской республики представителей революционной Красной армии приказывает: бывшего Главкома Батука и его приближённых...»

— «...Объявить вне закона!»

Стучат аппараты.

Стучит по аппарату усатый моряк...

Стучит бородатый казак...

Отучит кавказец...

Скачут всадники...

Проносится бронепоезд, на нём по борту:

«Долой измену! Да здравствует Революция, Партия, Ленин!»

Помещение железнодорожного депо. Народ: рабочие, казаки, крестьяне, солдаты, матросы, женщины.

На платформе, служившей импровизированной трибуной, в разных позах Кочубей, Кандыбин, Рой, Ахмет, Левшаков... Со связанными руками, без шапки, в чириках стоит Сухенко.

Разгневанная до крайности громада. Митинг идёт к концу.

Кандыбин, глядя на разгневанную толпу, продолжает:

— Товарищи фронтовики, рабочие, граждане! Коллегия чрезвычайной комиссии приговорила Сухенко к расстрелу.

Шило:

— Верно!

Редкодуб:

— Туда ему и дорога!

Сухенко смотрит на Кандыбина, стоящего с поднятой рукой, тщетно пытающегося утихомирить толпу.

Сухенко:

— Просьба моя, дайте мне наган с одним патроном, я сам себя убью...

Сухенко заплакал.

Стало тихо.

Редкодуб:

— Дать ему наган!

Молодой матрос поднял руку:

— Стой, братва! Мы, черноморцы, против, пускай выскажется, на чём базируется просьба...

Кочубей ответил матросу:
— Хай помрёт як казак, а не як подлюга.
...Вынимает свой наган, выкатывает из барабана все патроны, кроме одного.
Комиссар:
— Нельзя так... Ваня.
Кочубей отводит руку комиссара:
— Сердца у тебя нема, Василь... плачет же человек...
Кочубей дал Сухенко наган:
— На...
Сухенко взял наган, плача поцеловал его:
— Целую святое оружие, несущее смерть врагам...
Молниеносно повернулся к Кочубею. Комиссар рванулся вперёд... Выстрел...
Комиссар, прикрывший Кочубея, схватился за грудь...
— Вася!..—
крикнул Кочубей, поддерживая обвисающее на его руках тело Кандыбина.
Сухенко подмят толпой...
...И вдруг, пронзительный голос Володьки.
Володька на тендере иступлённо кричит:
— Батук высадился на станции! Поскакал туда к белым...
И махнул рукой.
Кочубей сжал кулаки и срывающимся голосом приказал...
— Ахмет! Коня!
По извилистой дороге мчится Батук, за ним несётся группа всадников.
Несётся Батук, за ним Кочубей...
Отстали от Кочубея Ахмет, Рой, Кандыбин-отец и другие.
Кочубей сходу стреляет из маузера.
Конь Батука падает... Батук, отстреливаясь, побежал... Кочубей соскочил с коня, побежал вслед Батуку...
Батук перебежал железную дорогу, спрятался за бугром, стреляет...
Кочубей перебегает железную дорогу... Он видит, как Батук скрылся в будке стрелочника... Вспышки выстрелов из окна будки...
Кочубей ползёт к будке, вскакивает, подбегает к ней...
Из будки видны вспышки выстрелов. Кочубей рвёт дверь...
Дверь раскрылась. Кочубей ворвался в будку...
Послышались три выстрела и всё стихло...
Медленно раскрывается дверь... Появляется рука... Убитый падает вниз лицом... Из дверей, без шапки, с маузером в опущенной руке, выходит Кочубей. Он подошёл к мёртвому Батуку и тихо проговорил:
— Швидкий, собака. А правда тебя швидче... догнала...

* * *

Пустынная степь. У костра Деверин и Чёрная. В стороне — самолёт. Возле него лётчик в комбинезоне и шлеме. Лётчик подходит к сидящим у костра, садится, берёт уголёк, прикуривая говорит:
— Лемносский бог тебя ковал...
Деверин искоса взглянул на лётчика и, не меняя позы, ответил:
— ...Для рук бессмертной Немезиды...
На них любопытно, с усмешкой, смотрит Чёрная:
— Вы словно дети, играете в тайны...
Лётчик передал какую-то бумагу Деверину и приподнял очки...
Это капитан Скопин из штаба Добрармии.

Деверин прочитал бумагу:

— Меня в Астрахань?

Скопин убийственно хладнокровно:

— Сядем невдалеке... У форпоста.

Деверин:

— Такое напряжение нервов? Я вряд ли выдержу...

Чёрная продолжает наблюдать за Скопиным и Девериным.

Скопин вынул из кармана грецкий орех, раздавил его, выбрал мякоть, предложил Чёрной:

— Мало расколоть, надо и уничтожить...

Он поднялся, обратился к Деверину:

— Я жду...

Все трое подходят к самолёту «Фарман». Скопин Деверину:

— Прошу!

Чёрная вызывающе сказала:

— Спасибо!

Скопин подошёл к винту самолета, сказал:

— У меня «Фарман», а не «Илья Муромец», мадемуазель!..— и повторил, обращаясь к Деверину:

— Прошу вас...

Только одну минуту продолжалась борьба двух противоположных чувств на лице Деверина... Он решился, взял руку Чёрной:

— Я доберусь, Лида... А вам надо немедленно улететь...

Чёрная сказала признательно:

— Я всегда считала вас благородным человеком. До свидания, Деверин!

Деверин обнимает Чёрную и, незаметно вынув у неё из кобуры пистолет, стреляет в неё... Чёрная обвисает у него в руках и падает.

Деверин старается не смотреть на убитую. Руки его дрожат, пляшет нижняя челюсть. Он ловит изучающий взгляд Скопина, говорит:

— Мне жаль её, Скопин...

Скопин иронически улыбнулся:

— Но разум, ясный и логичный разум, торжествует над несознательным движением сердца.

Деверин:

— Замолчите! Бездушный вы человек!

Скопин осматривает самолёт, вытирает руки, смотрит на Чёрную:

— Красивая бабёнка была... Вы, Деверин, удачнее её выбрались из всей каши. Вас даже не внесли в списки предателей революции.

* * *

Порт. Шатаются под порывами ветра корабли... Трещат на палах тросы... На борту корабля иностранный литер. Разгрузка.

Паровые стрелы несут груз на пирс. Грузчики сурово подхватывают грузы, расцепливая гаки...

Желторотый юнец-юнкерок, визгливо кричит на грузчиков:

— Живо!..

Портовые рабочие продолжают работать также нехотя.

Лопается трос. Вниз летят ящики. Разбиваются. Рабочие сурово смотрят на содержимое ящиков.

Из разбитого ящика вываливаются ботинки с шипами.

* * *

Мерно топают ноги в таких же ботинках...
Песня юнкеров:
«Марш вперёд, Россия ждёт...»
Белые идут в атаку:
«Марш вперёд, Россия ждёт,
Чёрные гусары...»
В окопах залегли бойцы...
В рваных шинелях, обгорелых шубах, спешенные всадник!
бригады... Пётр Кандыбин, Шило, Редкодуб, Мирошник, Пелипенко и многие другие...
Тут же лежат китайцы и матросы...
Все они в ожидании сигнала к атаке...
Сильный ветер. Гремят орудия. На кургане группа всадников
Кочубей, сдерживая разгорячённого коня, силится что-то разобрать в снежном вихре.
Около Кочубея Рой, Ахмет, Левшаков, Батышев и Володька...
Позади на седых от инея конях грудятся всадники, их сотни три...
Кочубей Рою:
— Ничего не бачу.
Рой:
— В прорыв введены свежие части. Два офицерских батальона...
Кочубей обратился к Батышеву.
— Пока ты за комиссара. Просю, шоб было як при Ваське, якие там групповоды,
политруки, не ломай его обычай... товарищ Батыш.
Цепь белых. Они упорно идут вперёд, продолжая свою песню...
В окопе... Вскочили бойцы.
Пётр Кандыбин напряжённо ждёт с гранатой в руке, ждёт Редкодуб...
Спокойно смотрит китаец, плотно зажав в руках винтовку...
Траншея открыла огонь. Метнулись гранаты...
Офицерская цепь, колонна сломалась. Смолкла песня. Белые бросились в атаку.
Сильный огонь из траншей. Белые залегли.
Промчались всадники... тачанки... С винтовками наперевес идут пехотинцы... Среди
них матросы, железнодорожники, китайцы.
Кочубей смотрит в бинокль.
Виден бронепоезд... На нём изредка появляются вспышки. Бронепоезд медленно
отходит.
Кочубей повернулся к Батышеву:
— Гляди, броневик-то наш чухается. А тут надо уж бой кончать, бо люди и кони
голодные.
Кочубей снова смотрит в бинокль.
Белые с криками «ура» бегут в атаку... Скачут всадники...
Кочубей, Батышев, Рой внимательно следят за боем...
На полном карьере подлетел Левшаков, махнул плетью, указал, иступлённо проорал:
— Кадеты уже на станции!.. А там раненых да больныхтыщи!..
Под огнём противника отходит бронепоезд...
Кочубей вскипел:
— Зараз я покажу, як надо драться... Батыш! Як я трону с бронированной силой,
развернёшь лавой и теж!
Батышев усккал...
Кочубей, Ахмет и Володька понесли к бронепоезду...
Пульмановские бронированные платформы.
Видна надпись
«Коммунист № 1».

Кочубей, Ахмет и Володька быстро ползут по высокой насыпи, цепляясь за засохшие полыни и белоголовники. Медленно приближается бронепоезд.

Кочубей подбежал к паровозу, оглянулся, махнул рукой Ахмету и Володьке и мигом исчез в узкой бронированной двери... За ним вёртко протиснулся Володька... Ахмет уцепился за буфера и начал карабкаться на тендер паровоза.

Кочубей, отстранив машиниста, ухватился за рычаги.

Машинист оторвал руки Кочубея от рычагов.

Кочубей расшвырянул:

— Гони вперёд, на полный ход!

Машинист повернул к Кочубею чёрное, мазутное лицо:

— На крушение?

Кочубей:

— Гони на кадету! «Коммунист», а пятится задом!..

Володька схватил машиниста за рукав, приподнялся к его уху:

— Дядя, дядя, ты его слушай... Это Кочубей...

Машинист с удивлением смотрит на Кочубея... Володька дёргает его за рукав:

— Кочубей... ей богу, Кочубей!

Машинист отмахнулся, передвинул влево ручку регулятора, поставил риверс на последний зуб и крикнул помощнику:

— Давай, подкидывай!

Повернулся к Володьке:

— Марш к нему! Видишь, запарка!

Володька схватил лопату, принялся ворочать уголь.

Бронепоезд мчится вперёд...

Кругом рвутся снаряды... На тендере стоит Ахмет... Появился Кочубей, за ним Володька. Кочубей повернулся, смотрит:

На открытых бронированных платформах у орудий возятся батарейцы.

Кочубей весело крикнул:

— Готовь пушки, пулемёты, зараз биться будем!

На платформах солдаты и матросы узнали Кочубея, радостно приветствуют его. Какой-то матрос, высоко подкинув бескозырку, ловко поймал её за ленточки...

Бронепоезд мчится мимо окопов, откуда в него стреляют, мимо офицерских пулемётных гнёзд, мимо лазаретных фургонов...

Мимо разбегающихся в сторону кавалеристов...

Кочубей с восхищением крикнул:

— Гляди, Володька, добра лава!..

Все, кто был на бронепоезде, смотрят...

Развёрнутой лавой идёт в атаку особая партизанская сотня.

В руках Охрима Пелипенко развевается знамя.

Мчится бронепоезд...

Все приготовились к бою...

Володька сунул капсюль в гранату... Мелькают телеграфные столбы, хаты, водокачка...

С тендера в паровозную будку скатился Кочубей, за ним Володька и Ахмет...

Ахмет яростно и весело закричал машинисту:

— Крути-верти! Резать будем! Рука нет, нога нет! Башка нет, твой станций берём!

Машинист передразнивает:

— Твой, мой, всё моё-твоё. Надо своё ладней взять! Ну готовь кулаки, даю тормоза!..

Кочубей распахнул дверку, взялся за поручни и, когда гюезд замедлил ход, спрыгнул на перрон.

Володька скатился вслед за Кочубеем. За Володькой Ахмет...

С платформы посыпались красноармейцы, матросы...
На станцию ворвались всадники с Батышевым.
С другой стороны станции бежит Рой, за ним с криками
«ура»—пехотинцы...

В дверях станции столкнулась кучка оторопелых юн. з ..
Володька лихо метнул в юнкеров гранату...

Бросают гранаты с бронепоезда...

В окне вокзала появилось белое полотнище. Стрельба прекратилась. Юнкера,
офицеры, белоказак, повысыпали из вокзала, отовсюду... Со звоном падает на асфальт
оружие сдающихся белых...

Кочубей весело сказал Батышеву:

— Добра бронирована сила! Только треба ею управлять!

Кочубей повернулся к железнодорожнику в форменной фуражке и приказал:

— Пропускайте поезда!..

* * *

По улице станицы едет Рой. Он проезжает мимо проходящей в звеньевых колоннах
кавалерии... Иногда мелькают знакомые лица:
Батышев, Пётр Кандыбин, Мирошник, Пелипенко, Володька, Редкодуб, донской казак и
другие.

Конники поют песню «Засвистали казаченьки».

Рой проезжает мимо конной артиллерии, мимо обоза, подъезжает к дому Кочубея.
Около дома повозки с ранеными, возле них хлопочет Наталья.

Рой передал коня бойцу и вошёл в дом...

В комнате — Кочубей, Левшаков, хозяйка и её дети. Все они сидят, молчат... На
табурете вещевой мешок... На столе сковорода, остатки еды. Рой доложил:

— Бригада отходит...

Кочубей встал, подошёл к хозяйке:

— До побаченья, хозяйюшка... Отходим на Кизляр...

Хозяйка горестно молчит. Возле, неё жмутся заплаканные дети.

Кочубей поманил их пальцем.

Они сразу подошли и вцепились в Кочубея:

— Не пустим! Не уходи!

Кочубей успокаивает их:

— Я же вам гостинцев привезу, конфет!

Младший пытается стащить шапку с головы Кочубея:

— Знаю... ты совсем уедешь.

Федька взял со стола букварь, тетрадки:

— Мы с тобой будем в школу ходить, дядя Кочубей!

Кочубей растроганно потрепал Федькину головку:

— Спасибо. Ну, отдай мою грамоту. Федька. Пригодится.

Он бережно спрятал на груди. Взял Федьку за плечи:

— Давай щёку, парасюк...

Федька подставил щёку... Кочубей чмокнул...

— Давай вторую...

Федька отстранился м важно заявил:

— Она такая же...

Хозяйка, складывая в мешок булки, вытирает глаза:

— Вертайтесь, Иван Антонович!

Кочубей поправил оружие, вздохнул, душевно сказал:

— Треба вернуться. Из-за их хотя бы...

Обнял в последний раз ребяташек, пожал руку хозяйке и быстро вышел из комнаты. За ним молча и сурово — Рой...

Левшаков взял сковороду... Хозяйка дрогнувшим голосом сказала:

— Всё равно кинете...

Левшаков вынул из кармана деньги и сунул их хозяйке...

...Захватив мешки в обе руки, направился к выходу, остановился у двери:

— Какая уж у меня будет кухня, маманя, без сковородки?

* * *

У аппарата сидит начальник рации... Ходит Орджоникидзе, диктует:

— «Москва. Кремль. Ленину. Покидаем Терскую область, уходим на Астрахань... Нет снарядов, патронов...»

Орджоникидзе задумался, посмотрел на начальника рации, продолжил:

— «...Владимир Ильич, сообщая вам об этом, будьте уверены, что мы погибнем все в неравном бою, но чести своей партии не опозорим бегством...»

Ветер, метель. Тянется переполненный ранеными и беженцами эшелон...

Впереди ещё эшелон.

Со свёрнутыми знамёнами проходит кавалерия.

По дороге растянулся обоз...

Вагон третьего класса. Своеобразная жизнь вагона времён гражданской войны. Спят смертельно уставшие люди. Кто-то чистит винтовку яростно и сурово. Поднимает голову китаец. Возле него Редкодуб с перевязанной головой.

— Ты-то чего воюешь, Ван-Ли? — спрашивает Редкодуб китайца.

Тот заулыбался, лицо его осветилось:

— Родную Кубань защищаю...

Улыбнулся похвально Редкодуб.

Улыбнулся сурово и признательно какой-то солдат в обмотках, который сидит у пулемёта, смотрящего через проломленную амбразуру своим хищным, хорьковым рыльцем.

На нижней полке сидит Рой и читает затрёпанную книжку.

Кочубей чистит оружие.

Володька тяжело вздыхает, жалобно смотрит на обожаемого своего батьку. А тот обнадёживающе подморгнул ему:

— Володька, яка станция?

Володька подул на стекло, прижался к нему носом, не отрываясь, сказал:

— Кизляр.

Волна холодного воздуха ворвалась в вагон. В клубах пара появился Василий Кандыбин... Кочубей не веря своим глазам, бросился навстречу своему боевому другу:

— Вася! — и он обнял его.

Вагон заполняется кочубеезцами. Тут Батышев, Наталья, Левшаков, Мирошник, Пелипенко и многие другие.

Каждый из них пытается протиснуться к комиссару.

Вбегает Кандыбин-отец. Все почтительно пропускают его.

Все спят, кроме дневальных, да ещё двоих дружков: Кочубея и Кандыбина.

Кочубей тяжело вздыхает, мучительно спрашивает:

— Вася, где ж тот сурьёзный ч.оловик, шо вы веде голоту на добру дорогу?

Комиссар тепло посмотрел на Кочубея:

— Партия коммунистов, Ваня. Держись партии. Плохо человеку, если он один.

Кочубей после паузы:

— Ты коммунист, Вася?

— Да.

— Батышев? — спросил Кочубей.

Тоже.

— Рубин был тоже коммунист?

— Коммунист.

Кочубей опустил голову, тихо:

— И Орджоникидзе коммунист... выходит, я один на меже, як бурьгин. Все коммунисты, большевики, все с Лениным... А я?

Кочубей встал, посмотрел на спящего Батышева, повернулся к комиссару:

— Может, не примет меня Ленин? Не допустит до себя... так я скину оружие и подойду до него босой, без маузера, без шашки. Расскажу ему всё...

Слышны приближающиеся звуки марша. Кандыбин, улыбаясь, спросил:

— Слышишь, Ваня?

Кочубей прислушивается:

— Чую, а шо?

Комиссар встал:

— Подходит ленинский пехотный полк...

Кочубей оживился, подтянул пояс, перекинул через плечо шашку.

— Треба поглядеть...

И вышел из вагона, за ним комиссар...

Прислонившийся к спинке сиденья, дремавший Ахмет, мигом проснулся, расширенными глазами огляделся и быстро выбежал из вагона...

Держась за поручни вагона, с затаённым восхищением и радостью смотрит Кочубей. За его спиной появился Ахмет.

У вагона стоит комиссар...

Перрон полон кочубеевцами... По перрону, в колоннах по четыре, проходит ленинский полк... Все они одеты в единую форму... Воротники и рукава шинелей обшиты чёрным сукном. Яркие звёзды на рукавах шинелей ритмично покачиваются в такт твёрдому шагу пехоты...

Над серыми солдатскими шапками сотни штыков.

Кочубей поражён. Своей непосредственной душой он решил, что Ленин услышал его тревоги и послал на помощь войска.

Размахивая руками, он вдруг закричал:

— Хлопцы! Я— Ваня Кочубей! Вместе будем биться... Вместе погоним кадета...

Кочубей машет рукой:

— Товарищи дорогие, ленинские солдаты...

Ленинцы приветливо и радостно отвечают Кочубею:

— ...Ура... Кочубею!..

Кочубей долгим взглядом провожает солдат и по его лицу катятся крупные слёзы...

* * *

Длинной, неровной цепочкой растянулась отходящая на Астрахань армия. Видны уходящие вдаль войска... Пехота, артиллерия, обоз...

Кочубей на коне, за ним растягивается кавалерия...

Арьергард отступающей одиннадцатой армии. Рядом с Кочубеем едет Рой и Василий Кандыбин... За ними видны Ахмет, Редкодуб, Пётр Кандыбин.

Метёт позёмка. Люди проваливаются в сугробах. С трудом вытаскивают ноги. Падают...

Проходит обоз с ранеными... Раненые лежат на тачанках, на мажарах, на телегах, на казачьих бричках. В запряжках верблюды, лошади, волы. Нагнувшись от ветра, держась за телегу, идет Наталья.

Идут матросы. Они идут плотно, плечом к плечу. Дулами книзу, на ремнях несут винтовки и карабины... На лицах снег. Идут рабочие и железнодорожники, с трудом преодолевая тяжёлый путь...

Проходит отряд китайцев. Среди них Ван-Ли.
Кочубей запахнулся буркой, задумался. К Кочубею подъехал
Володька. Полез за пазуху, вытащил колбасу, подтолкнул комбрига. Кочубей очнулся:
— Ты шо?
Володька протягивает колбасу:
— Батька, пожуй малость...
Кочубей:
— Не надо! Шо ты? Сам голодный...
Володька:
— Батько, ты очень худой. Тебе поправиться надо...
Кочубей усмехнулся:
— Во, грец, мабудь шо так. Давай, давай, только по божескому переделим.
Переломив куок колбасы на две равные части и отдав половину Володьке, обернулся:
— Левшаков, ковбасы хочешь?
Левшаков приблизился:
— Вы кликали, товарищ командир?
Кочубей повторил:
— Ковбасы хочешь?
И он сунул Левшакову в руку кусок колбасы...
Улыбка расплзлась по лицу Левшакова и он начал жевать.
С огромным напряжением пробираются сквозь пургу матросы... Они идут уже не так
стройно...

Молодой матрос в изнеможении упал... Некоторое время он лежит без движения.
Мимо него проходят люди. Второй моряк в бескозырке с надписью «КЕРЧЬ» пытается
помочь товарищу. Не может... С другой стороны подошёл китаец Ван-Ли и они вдвоём
повели уставшего...

С трудом идёт Наталья... Она идёт уже не рядом с обозом, а среди пеших
красноармейцев. Наталью настигает Митька м, он слез с коня и, посадив Наталью, повёл
коня под узды...

Засыпанный снегом броневик. Идут уставшие китайцы многие из них спят на ходу.
Под командой Кочубея проходит конница. Кочубей дремлет.

Ахмет стойко борется со сном. Конница проезжает мимо брошенной в степи телеги,
опрокинутой двуколки, застрявшего в сугробах орудия... Кое-где лежат люди, павшие
кони...

Поют казаки, мерно покачивают головами лошади:

«Ой, наступае та черна хмара,
Стал дождь накрапать.
Ой, там сбиралась бидна голота
До корчмы гулять...»

Рой подъехал к Кочубею, дремавшему в седле:

— Ты шо?

Кочубей встрепенулся:

— Мабудь, скоро Астрахань?

Рой:

— Да, скоро!

Он крепко пожал руку удивлённому Кочубею:

— Скоро Советская Россия...

Песня:

«Пили горилку.
Пили випшёвку,
Стали мёд, пиво пить...
А кто з нас, братцы, буде смеяться, того будем бить».

Кочубей слушает песню:

— Добре спивают хлопцы... Мутузят, мутузят их, а они всё весёлые, всё спивают, яка ж радость у них? Мабудь, почулы дровяной дым с родной Рассеи.

Послышались ружейные залпы. Песня смолкла.

Кочубей повернул коня, взялся за клинок, что-то крикнул...

Быстро развернули всадники и поскакали за Кочубеем...

Продолжают идти смертельно уставшие бойцы. Навстречу им, обратном направлении, скачет Кочубей и всадники. Проехали тачанки. Номера на ходу готовят пулемёты. Матрос с «Керчи» и Ван-Л и ведут обессиленного молодого матроса... Матрос, обернувшись, смотрит вслед коннице и тачанкам:

— Прикроют... Не подведут... арьергард...

Ван-Ли уважительно произнёс:

— Кочубей...

* * *

В кабинете Деверин и Скопин. Скопин стоит у окна.

Деверин привычно подчищает ногти:

— Кто бы думал...

Прикурил от зажигалки.

— Разбил генерала Бабиева. Прошёл калмыцкую степь... зимой...

Скопин:

— Начальство недовольно.

Деверин раздражённо:

— Знаю... Мы начинаем восстание и вдруг в Астрахани Кочубей... б-р-р...

Скопин более спокойно и цинично:

— Что вам советовали?

Деверин зябко ёжится, набрасывает на плечи полушубок.

— Уничтожить.

Скопин:

— Легко сказать. Как убедить военсовет армии? Кто приказание подпишет?

Деверин:

— Никто, конечно, приказа не подпишет на уничтожение Кочубея... Пока весь состав военсовета отсутствует, надо убедить

Сиверцева.

Скопин:

— Сиверцева... убеждать? Это же свой человек, насколько мне известно.

Деверин:

— Надо спешить, имеются предположения, что в Астрахань назначается Киров.

* * *

Комната со стрельчатым окном. На стене несколько плакатов -- «РУКОПОЖАТИЯ ОТМЕНЯЮТСЯ».

За столом сидит замотанный платком Сиверцев, пьёт тёплое молоко и говорит сиплым, простуженным голосом:

— Конечно, о Кочубее ходит много слухов, но что он анархист и бандит... помилуйте... это же надо доказать.

Деверин:

— Да? А вот Троцкий заявил, что разгром XI армии на Северном Кавказе является результатом пережившей себя анархии.

Сиверцев допил молоко, вынул из подмышки термометр, сокрушённо покачал головой:

— Тридцать восемь и три. Это всё потому, что лапы тянут к тебе, всякая зараза... что вы предлагаете?

Деверин:

— Почётную задачу. Бригаде Кочубея прекратить отход и начать активные бои по освобождению от белых Кизляра, Святого креста, Моздока.

Сиверцев задумался, промямлил:

— Моздок? — нерешительно:

— Не далековато ли?

Деверин:

— Блестящая задача. Она будет импонировать и самому Кочубею.

Сиверцев махнул рукой:

— Только торопитесь...

Деверин протягивает бумагу Сиверцеву, тот удивлённо:

— Это что?

Деверин:

— Приказ Кочубею...

Сиверцев пальцем, как бы боясь заразиться, отодвинул бумажку:

— Снабжать старуху-историю такими документами? Подпишите. Я — за.

* * *

Кочубей спит, прикрытый буркой.

В углу хаты женщина качает в люльке ребёнка и тихо поёт.

Володька на гармошке подыгрывает песне. Старик-рыбак возится с сетью. Около него Левшаков чинит седло... Левшаков снимает с седла подушку, бьёт молотком по окованной луке. Володька перестал играть.

— Тише, а то разбудишь.

Кочубей потянулся, приоткрыл глаза, встал и мечтательно произнёс:

— Приснилась мини станица... вишнёвые сады цветут... як молоко...

Вбегают Ахмет.

— Разведка наша пошла вперёд мал-мало. Её пиф-паф.

Астрахань идти нельзя.

Кочубей сурово нахмурил брови:

— Шо так?

В дверях Наталья. Остановилась. Лицо её сурово.

— Из Астрахани...—

сказала она и отступила в сторону.

Пригнувшись, вошёл Скопин, сохраняя мужественную важность.

Его проталкивают дальше на Кочубея столкнувшиеся в сенях люди: Батышев, Пелипенко, Редкодуб, Пётр Кандыбин, Митька Шило.

Вошёл Кандыбин и Рой...

Кочубей смотрит на Скопина, тот протягивает ему бумагу. Кочубей кивает комиссару и тот берёт её.

Около хаты уже много народа... Все они пытаются пробраться ближе, чтобы услышать что-то важное...

Окаменевшее лицо Кочубея.

— Погубить бригаду в калмыцком степу? Бригада подбилась.

Тиф. Кони без фуража... Товарищ Ленин знает про це?

Скопин передёрнул плечами:

— Если боевой приказ не будет выполнен, придётся разоружить вашу воинскую часть...

Кандыбин:

— Но приказ заведомо невыполнимый. Разрешите мне самому проехать в штарм. Всё объяснить.

Скопин:

— Нельзя, дорога закрыта!

Кочубей приблизился к Скопину. Он долгим внимательным взглядом смотрит на Скопина...

Комиссар, Рой, Наталья, Володька, Левшаков и многие другие, все они сосредоточенно смотрят.

Батышев. Его лицо с сабельным шрамом:

— Давай приказ развернуть знамя для боя...

Кочубей смотрит на Батышева.

Пётр Кандыбин:

— Мы их расшвыряем...

Кочубей смотрит на Петра Кандыбина.

Суровое, ждущее ответа лицо Пелипенко:

— Сотни ждут твоего приказа...

Кочубей тяжело дыша, говорит комиссару:

— Шо робыть? Свои, а так ветрели... Вася.

Молчит комиссар.

Кандыбин:

— Драться со своими нельзя...

Кочубей опустил голову. Он видит руки на эфесах клинков. Глаза боевых товарищей, выражающие решимость выполнить любой приказ. Нравственная борьба заканчивается. Торжествует дух высокого сознания, органичного этому человеку...

Кочубей говорит:

— Не может бригада рубать своих же братьев. Подымет руку и проклянёт нас племя наше... Хай остаётся бригада, а я прорвусь к товарищу Ленину. Расскажу ему всю правду...

Он приказал:

— Знамя!

Редкодуб подаёт знамя.

Кочубей:

— Хай разоружается бригада, но не будет поругано знамя наше боевое...

Целует, отдирает знамя от древка:

Отдам знамя только товарищу Ленину. Кто со мною, хлопцы?

Все зашумели, все хотят уходить с Кочубеем.

- Я...

— Меня возьми...

— Я тоже пойду...

— Все пойдём...

Кочубей поднял руку:

— Добре. Бачу, любый вам батько боевой... Не треба столько...

Предстоит путь великий по степу... Не пробьёмся с большим на родом...

Долгим взглядом смотрит Кочубей на своих командиров и бойцов.

— Со мной...

Кочубей тихо называет...

— Ахмет...

Ахмет, гордо взглянув на всех, встал около Кочубея...

Кочубей:

— Левшаков, Рой, Редкодуб, Мирошник, Пелипенко...

Радостный выходит Левшаков, смотрят с ожиданием командиры и бойцы, на лицах одних радость и гордость, на лицах других — большое горе и обида...

Мучительно напряжённое лицо Натальи...

Кочубей продолжает вызывать бойцов:

— Володька...

Шило выскочил вперёд:

— А я?

Кочубей улынулся:

— Як же обойтись без Шила? Со мной, Митька!..

Кочубей взглянул на Наталью, незаметно на Роя:

— Наталья...

Тут уж Наталья, не скрывая своих чувств, встала рядом с Роем, руки их соединились... Кочубей обратился к комиссару:

— Не буду прощаться с бригадою... сам не выдержу, да и хлопцы... кровь братьев своих прольют... Ты остаёшься за меня, комиссар, Батышев остаётся...

Кочубей целует их и обращается ко всем:

— Сотням низкий, земной поклон передавайте...

Он подходит к каждому командиру, обнимает, и не сдерживает слёз...

К Кочубею подходит Пётр Кандыбин:

— Я тоже с тобой, комбриг!

Подошёл к сыну:

— Прощай, Василь.

Отец и сын обнялись...

* * *

Степь. Метёт пурга. Двигается отряд Кочубея. Остановился. Рой подъехал к Кочубею:

— Да... закрыт путь на Царицын.

Кочубей:

— Подадимся в Прикумские займища. Слетятся к нам хлопцы. Як ты?

Рой не сразу ответил, вытер лицо от снега:

— Был слух, остался в тылу Орджоникидзе.

Кочубей решительно приказал:

— Вертай, начальник штаба!

Отряд повернул коней... скрылся в пурге.

С трудом бредут люди, кони в поводу.

Проходят Кочубей, Ахмет, Володька и другие. Рой возле Натальи... Она дремлет.

Лицо дремлющей Натальи...

Петр Кандыбин остановился, взгляделся:

— Кибитка...

Володька радостно произнёс:

— В аккурат, кибитка...

Подожли Левшаков, Редкодуб, раскидали снег. Первым заглянул Редкодуб, обернулся:

— Пустая...

Редкодуб вошёл в кибитку, за ним остальные.

Редкодуб чиркнул спичкой, зажёл каганец. Прояснились полуоблупленные стены, плетёные из хвороста и замазанные глиной.

Вошёл Кочубей, за ним Ахмет, Наталья. Последним вошёл Рой...

Рой встретился глазами с Натальей, примостился у каганца. Положил на планшет компас, сказал:

— Заблудились...— посмотрел на Кочубея.
Кочубей молчит.
Рой нагнулся к Наталье и тихо, чтобы никто не слышал, сказал:
— Дай слово, Наташа... что когда это станет нужным, ты уйдёшь... ради нашей любви...
Наталья прижалась плечом к Рою.
— Я не оставлю тебя, Андрей.
Лицо Кочубея. Он случайно услышал слова Роя и, сделав вид, что ничего не слышит, закрыл глаза...
Спят уставшие кочубеевцы... Покрывшись нагольным тулупом, нежно прижавшись, спят два друга — Шило и Володька.

* * *

Степь. У костра сбились в кучку кочубеевцы. Многодневные переходы по пустыне сказались. Их усталые лица обросли бородами, одежда сильно потрепалась...
Шило всё ещё балагурит:
— Хлеб, соль, вода, да кобылка молода — партизанская еда...
Левшаков помешивает мясо:
— Кобыла шкварчит як живая,..
Ахмет, Пётр Кандыбин, Редкодуб и Мирошник с наслаждением вдыхают аромат пищи...
Шило нарочито вздохнул:
— Я дуже люблю обидать, хлопцы...
Кочубей посмотрел на Роя:
— Наталья где?
Рой рассматривает карту:
— В разведке... с Володькой...

* * *

Наталья и Володька в разведке. Наталья заметила что-то подозрительное. Тронула коня, повернулась к Володьке:
— Подожди здесь, проверю, если что, дам выстрел...— и ускакала...
Наталья остановила коня, приподнялась на стременах и увидела: за бурунами расположились на привале спешенные всадники, их не меньше полусотни.
Наталья протронула коня вперёд. Сняла карабин, изготовила...
Часовой за бурунами выстрелил. Белые бросились к коням.
Наталья выстрелила из винтовки вверх... и помчалась обратно...
Володька поскакал к кибитке.
Конь Натальи сбавил аллюр. Погоня приближается, всадники рассыпались кольцом. Наталья поняла — не уйти. Поворотила коня и, приподнявшись в седле, принялась посылать пулю за пулей.
Один из всадников упал, второй спешил, третий приложился — выстрелил...
Наталья упала...
Белые окружили тело Натальи...
Одинокий конь постоял и заржал залиvisto и тревожно.
У костра кочубеевцы встревожены. Они прислушиваются к приближающемуся конскому топоту.
К бивуаку подлетел Володька, он сходу соскочил с коня, подбежал к костру, закричал:
— Туши огонь! Белые!..
Кочубей приказал:
— Клади коней!..

Рой подбежал к Володьке:
— Где Наталья?!
Володька ничего не ответил... Только как-то нелепо махнул рукой и принялся тушить костёр.
Лицо Роя... Он понял, что Наталья погибла...

* * *

Свистит метель... Идёт бой...
Строчит пулемёт белых...
Кочубеевцы укрылись за конями, камнями, кочками... отстреливаются. Широко раскинув руки, лежит Пелипенко... Рядом — Свирид Мирошник уткнулся лицом в лошадиный труп..
Стреляет Рой...
По одну сторону Кочубея стреляет Володька, по другую Ахмет...
Кочубей внимательно присматривается к тому, что делается у белых, говорит:
— Береги патроны, пушай близко подойдут...
Левшаков выпустил из рук винтовку, Пётр Кандыбин повернулся:
— Ты что?
Левшаков протянул руку, дрогнувшим голосом проговорил:
— Вон там — сковородка...
Кочубей услышал слова Левшакова, повернулся...
Пётр Кандыбин стреляет один, рядом лежит Левшаков... Володька взял карабин Левшакова, стреляет... Кочубей взглянул на него:
— Так... так, Володька!..
Рой кивнул головой в сторону белых:
— Виккерс! Английская машинка!..
Митька Шило встал, шмурыгнув носиком и кинулся вперёд с гранатой в руке.
Короткий миг...
Митька швырнул гранату...
Облако разрыва...
Пулемёт белых стих...
Рой чуть улыбнулся:
— Молодец, Шило!
Он взглянул на Володьку, позвал:
— Володька!..
На глазах Володьки слёзы. Володька подполз к Рою... Рой передаёт ему знамя:
— Бери... уходи... расскажешь, какие мам тут припарки ставили...
Володька:
— Я не брошу вас!
Рой настойчиво:
— Я приказываю! Ползи за бурунами, по ветру, а потом, тикай... тикай...
Кочубей протянул Володьке маузер:
— Бери! Знамя—Ленину!
Володька взял маузер, пополз, исчез из кадра.
Кочубей стреляет, он повернулся, смотрит...
В живых остались только двое — Рой и Ахмет...
Кочубей отвернулся... стреляет... Выстрела нет... Берёт другой карабин... Патроны кончились...
— Ахмет!..
Ответа нет...
Кочубей повернулся... рядом с ним мёртвый Ахмет...
Кочубей встревоженно:

— Рой!..
Рой спокойно делится...
— Я здесь!
Кочубей чуть улыбнулся, вдруг он услышал голос Роя... Повернулся...
Голос Роя:
— Ваня...
Рой упал... Все убиты...
Кочубей один...
Патронов больше нет...
Как волчья стая окружают плотным кольцом белые одинокую фигуру Кочубея...
Кочубей поднялся, рывком метнул гранату в приближающихся белых.
Взметнулось облако разрыва.
Кочубей упал...

* * *

Володька ползёт за бурунами... Что-то заметил, лёг, закопался в снег.
Чуть-чуть подняв голову, он видит:
Мимо него проезжает конница белых, их человек тридцать. Вес незнакомые Володьке люди. На носилках, сделанных из гшк и бурок, везут человека...
Володька всматривается... Он хочет крикнуть. Вцепился зубами в руку... Он узнал...
...На носилках лежит Кочубей...
Яростно ползёт Володька...

* * *

Весна... Степной городок Святой Крест.
Раннее утро. У низенькой, турлучной хатёнки ходит часовой...
Прохожие, идущие по другой стороне улицы, оборачиваются на окно хатёнки... Солдат останавливает едущую к дому телегу и отправляет её назад, в обход...
Кочубей наваливается грудью на подоконник, тяжело дыша, пишет:
— «Вот шо, я кончаю. Мою одежду, як шо можно, прошю доставить до дому, як последнюю память. Я верю, шо скоро придёт наша Красная Армия. Хай не поминает меня лихом. Перешлите товарищу Ленину, шо я до последней минуты отдал свою жизнь за Революцию».
Кочубей локтем распахнул окно.
Смотрит на улицу... Кокну подходит пожилая женщина-сиделка. Она грустно смотрит на Кочубея... Тяжело вздыхает... Кочубей смотрит в окно...
— Добре спивают кочеты...
Он взглянул на женщину.
— Товарищ женщина! Вот так и у батька моего спивали кочеты, когда я був маненький...
Кочубей смотрит в окно...
Петух взлетел на забор...
Из-под амбара вылезли куры...
Маленькая девочка хлыстиком подгоняет телёнка. Телёнок мычит...
Кочубей отошёл от окна, лёг на кровать...
Возле домика остановилась тачанка. Полковник из ставки Деникина предъявил часовому документ.
Спит Кочубей...
Женщина сидит около него. Женщина занята вязаньем... Часто оставляя работу, она смотрит на Кочубея. В комнату входит полковник... Женщина оставила вязанье.
— Тише. Заснул...

Полковник сел на лавку. Протёр пенсне, взял склянку с лекарством. Читает этикетку.
Женщина хмуро спросила:
— Вы... кончать его?!

Полковник:
— О нет! Лечить...

Женщина недоверчиво посмотрела на полковника, принялась за вязанье...

* * *

В комнате полковник, сестра. Кочубей молча и пронзительно осматривает английскую форму полковника.
— Шось я не понял... Повтори...

Полковник откашлялся и, уже не глядя на бумагу, сказал:
— Главнокомандующий подпишет приказ о вашем помиловании при условии перехода в добровольческую армию... в качестве командира полка...

Кочубей приподнялся, спустил ноги с кровати и сделал один шаг к офицеру... подозвал к себе:
— Подойди, я на ухо...

Он кивнул в сторону сиделки. Офицер насторожённо приблизился к Кочубею.
Кочубей:
— Ещё ближе, не укусю...

Полковник подошёл. Кочубей цепко схватил его шею, притянул к себе.
— Отдаю тебе, стерва, всё, шо могу!.. — и плюнул полковнику в лицо.

* * *

По дороге тянется повозка, запряженная двумя понурыми клячами. Повозка окружена конным конвоем. За повозкой, забегаая вперёд и по бокам, — народ.
На повозке Кочубей в бешмете, с расстёгнутым воротом, без шапки:
— Шо голоса бабы? — спросил он, будто очнувшись...

Терский казак, сидевший на задке на соломе, буркнул, не поднимая глаз:
— Голосят по твою душу, казак...

И затянувшись табачным дымом, затёр окурок в пальцах...

Кочубей посмотрел по сторонам.
— Пушай не голоса, я ещё возвернусь и орлом покружу по степу...

Казак вздохнул.
— Не возвернёшься.

И упорно глядя на сапоги Кочубея, тихо попросил:
— Тебе чоботы не потребны, атаман, дозвошь?..

Кочубей:
— Тяни...

Казак, оглянувшись, чтобы не увидели юнкера конного конвоя, поплевал на ладони, торопливо разул Кочубея...

На откосе телеграфного столба корниловец прибывает перекладину. Взвилась верёвка... Корниловец, ловко поймав её, крепко привязал, и потом, скользнув по верёвке и пробуя её крепость, повис на ней... Много народа. Стекаются со всех сторон старики, женщины, дети. Сгрудились у виселицы.

Конные мрачно оттесняют толпу. Группа жителей. Седой старик говорит:
— Отказался от полковника...

Человек в треухе:
— А что ему полковник! Он у красных генералом был!

Старик строго поправил:
— Не то... отказался...

Человек в треухе заволновался:

— Везут...

И заспешил туда, куда устремлён его взгляд. За ним последовал старик.

Люди со всех сторон сходятся к повозке с Кочубеем.

Толпа сопровождает Кочубея... Юнкера уже не могут их оттеснить... Они пустили в ход нагайки, пытаясь разогнать наседающую толпу...

Женщины поднимают детей над головой...

Кочубей опустил голову и с полузакрытыми глазами вслушивается в этот разноголосый шум. Ему казалось, позор ожидает его — окончить жизнь на виселице. Но постепенно, вглядываясь в окружающих, видя сочувствие простых людей, глаза его засветились радостью и сознанием укрепившейся правоты его прожитой жизни. Повозка остановилась. Конные юнкера образовали коридор...

Гордо подняв голову, Кочубей сошёл с повозки. Плотным кольцом окружили его юнкера. Какая-то старуха закричала:

— Проклятые, смертью живущие...

Кто-то закричал:

— Выручай...

Толпа напирает на юнкеров.

Кочубей поднял руку. Стихло.

— Бейтесь, товарищи, за Советскую власть, за партию, за Ленина...

Выкрикнул Кочубей, как боевую команду любимым полкам и смело шагнул к виселице...

Кочубей поднял глаза к небу...

В небе два соколика, будто изломав острые крылья, кружили над ним.

Просветлел лицом Кочубей. Разгладились суровые морщины на его лице, не опуская головы, он смотрит в бесконечный простор неба, светло улыбнулся и прикрыл глаза...

(Двойной экспозицией).

На лице Кочубея пронесется конница со знакомыми нам героями. В руках Володьки развевается знамя с Лениным...

Рядом с Володькой Кандыбин...

Катится, искрясь обнажённым оружием, конная лава.

Успокоенное лицо Кочубея...

Его глаза открыты...

К О Н Е Ц